

16+

ИНФОРМАЦИЯ
К РАЗМЫШЛЕНИЮ

П Р И Л О Ж Е Н И Е

АВГУСТ
2020

№8/115

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

ЯПОНСКИЙ ГАМБИТ

ПОСЛЕДНИЙ «ШПИОН», КОТОРЫЙ ВЕРНУЛСЯ С ХОЛОДА

«ПРОШУ УВОЛИТЬ ИЗ РЯДОВ КГБ ПО СОБСТВЕННОМУ ЖЕЛАНИЮ»

УМНОЖЕНИЕ НА НОЛЬ

НЕУДАЧНИЦА ЭШЛИ

НЕСТАНДАРТНЫЕ СОЛДАТЫ

Франкенштейны XXI века

«Дело о сибирской язве», которое было закрыто американскими спецслужбами в связи с самоубийством главного подозреваемого – микробиолога Брюса Айвинса, вновь заставило задуматься о громадной разрушительной силе научного гения

ЧЕЛОВЕК БЕЗ ЛИЦА

БНД ПРОТИВ ШТАЗИ

в спецвыпуске

СЕКРЕТЫ СПЕЦСЛУЖБ

Японский гамбит

БЫЛА ЛИ РЕАЛЬНА УГРОЗА ВОЕННОЙ АГРЕССИИ ЯПОНИИ ПРОТИВ СОВЕТСКОГО СОЮЗА В КОНЦЕ 1930-Х И КАК, БЛАГОДАря БЛЕСТЯЩЕЙ РАБОТЕ РАЗВЕДКИ, УДАЛОСЬ ЭТУ УГРОЗУ НЕЙТРАЛИЗОВАТЬ

Японская пехота готовится к бою (август 1937 года)

■ Евгений ГОРБУНОВ

Публикация 2009 года

В сентябре 1931 года японские войска вторглись в китайскую Маньчжурию и через несколько месяцев захватили ее полностью. В марте 1932-го здесь под контролем Японии было создано марионеточное государство Маньчжоу-го, а еще примерно через год, после присоединения к Маньчжоу-го китайской провинции Жэхэ, между Японией и Китаем было подписано перемирие.

7 июля 1937 года на линии перемирия под Пекином у моста Марко Поло между войсками двух стран вспыхнула перестрелка. Такое случалось довольно часто, так что руководство Китая не придавало особого значения инциденту. Но к 25 июля Япония стянула в район конфликта три дивизии, две бригады, более 100 орудий, 150 танков и 150 самолетов. В результате были захвачены города Пекин и Тяньцзинь. К концу сентября численность японской экспедиционной армии в Северном Китае составляла уже более 300 тысяч человек. Война при этом объявлена не была.

В августе 1937 года при поддержке военно-морского флота около 8 тысяч японских десантников высадились в районе Шанхая. К ноябрю у этого крупнейшего китайского порта было сосредоточено 115 тысяч японских солдат, 400 орудий, 100 танков и 140 самолетов. В ноябре Шанхай был взят; 12 декабря пал Нанкин. Однако сомкнуть клещи и объединить северную и центральную группировки японских войск в Китае тогда не удалось.

Блицкриг по-японски

К январю 1938 года стало ясно, что молниеносной войны в Китае, на которую рассчитывал Токио, не получилось. Китайское правительство, переехавшее в Чунцин, капитулировать не собиралось. Началась затяжная война, в которой у

Японии, при наличии у Китая неограниченных людских ресурсов, практически не было шансов на победу. В Токио начали искать выход из тупика. С позором эвакуироваться с материка было невозможно. Оставалась надежда на почетный мир на выгодных условиях. Но для переговоров с правительством Чан Кайши требовался солидный посредник. Тогда Токио решил обратиться к своему союзнику по Антикоминтерновскому пакту. В конце 1937 года японский Генштаб дал указание военному атташе в Берлине Хироши Осиме обратиться с просьбой к командованию германской армии о предложении мира Чан Кайши через генерала Александра Фалькенхаузена, германского военного советника при китайском правительстве.

Это предложение не означало отказа Японии от агрессивных планов на континенте. Просто империи нужна была передышка: воюющий Китай «съедал» огромное количество людских, материальных и финансовых ресурсов. Так, в 1938 году ассигнования на армию достигли 4,25 млрд иен, из которых половина была потрачена на войну с Китаем. После окончания Второй мировой войны в Японии было создано демобилизационное бюро, которое ликвидировало дела военного министерства. По данным этого бюро, представленным Токийскому международному трибуналу, численность японской армии в 1930–1936 годах была неизменной и составляла 250 тысяч человек. После начала «инцидента» в Китае, к 1 января 1938 года, она выросла до 950 тысяч, то есть почти в четыре раза. Резкий скачок численности требовал увеличения финансирования войск.

18 января 1938 года Хироши Осима поднял перед министром иностранных дел Германии Иоахимом фон Риббентропом вопрос о военной помощи. Риббентроп обещал содействие, но высказал желание сближения Германии и Японии на основе договора о военном сотрудничестве. В июне того же года Токио одобрил эту инициативу.

Пожар в советском посольстве после взятия японцами китайского города Нанкин в январе 1938 года

7 марта 1932 года. Взятие японскими войсками города Шанхай

Глядя из Москвы

За развитием событий на Дальнем Востоке наблюдали и в Москве. Длительная война отводила японскую угрозу от советских дальневосточных границ. СССР мог поворачиваться «лицом к Европе» и решать свои европейские проблемы. Поэтому уже в начале японско-китайской войны советское руководство решило помочь Китаю. При этом Сталина вряд ли интересовали вопросы интернациональной солидарности. Он не испытывал симпатий к режиму Чан Кайши. Достаточно было вспомнить налеты гоминьдановской полиции на советское посольство и консульства в 1927 году, конфликт на КВЖД в 1929-м, а также помощь, которую Советский Союз оказывал китайской Компартии и ее вооруженным силам, сражавшимся с Гоминьданом в гражданской войне. Но после начала японско-китайского «инцидента» Советский Союз попал в положение «третьего радующегося», наблюдая схватку со стороны.

В начале сентября 1937-го правительство Чан Кайши само обратилось к советскому правительству с просьбой принять в Москве китайскую делегацию для обсуждения возможностей оказания военной помощи Китаю. Согласие на тайный приезд было дано, и 9 сентября нарком обороны Климент Ворошилов провел первую встречу с китайской делегацией.

Ворошилов предложил две эскадрильи бомбардировщиков СБ (62 самолета), две эскадрильи истребителей И-15 (62 самолета) и три эскадрильи истребителей И-16 (93 самолета). Во время первых переговоров китайцам отказали в продаже тяжелых бомбардировщиков ТБ-3 и тяжелой артиллерии, но согласились продавать бензин, машинное и моторное масло. Были высказаны и предложения о маршрутах доставки. Конечным пунктом был определен город Ланьчжоу. Самолеты предлагалось перегонять по воздуху, а запасные части и боеприпасы к ним – автотранспортом. Остальные закупки (винтовки, пулеметы, орудия, боеприпасы) шли морским путем в Кантон.

В конце января 1938 года от группы советского разведчика в Японии Рихарда Зорге поступила информация о попытках Японии добиться мирного урегулирования с Китаем. В телеграмме от 20 января он информировал Москву о своей беседе с полковником Ойгеном Оттом. Военный атташе Третьего рейха в Японии сообщил Зорге, что «японский Генштаб приведен в сильное замешательство перспективами продолжения войны против Китая». Отт и его помощник майор Шолль считали, что война в Китае начинает ослаблять Японию. Поэтому, по их мнению, войны между Японией и Советским Союзом в 1938 году не будет. Империя прочно увязла в Китае, сил и средств для одновременной войны против двух стран у нее нет.

Через несколько дней Ойген Отт по заданию своего руководства беседует с представителем японского Генштаба и о результатах сообщает Рихарду Зорге. 27 января в Москву ушла очередная информация. Японский представитель сообщил полковнику, что Генштаб усиленными темпами готовит войну против СССР. В Токио считали, что время работает на Советский Союз. Но воевать на два фронта империя не могла. Даже в случае перемирия нужно было держать в Китае большую оккупационную армию, пополнять войска после непредвиденных потерь, все это требовало затрат. Как заявил Отту представитель японского Генштаба, чтобы начать войну против СССР, требуется максимум два года, минимум один.

Войны не будет

Итак, Советский Союз получил почти двухлетнюю передышку на Дальнем Востоке. Оценки наших разведчиков оказались более точными, чем оценки аналитиков японского Генштаба. Уже после ареста Зорге отмечал в записках: «Дирксен (германский посол в Токио. – *Ред.*) и Отт были настроены оптимистично, утверждая, что Гоминьдан необычайно слаб. Но я придерживался мнения, что враждебные действия будут продолжаться еще долго и что силу Гоминьдана не следует недооценивать. Ни Дирксен, ни Отт не со-

глашались со мной. Однако ход событий обернулся так, как я и предсказывал. И потому и Дирксену, и Отту пришлось признать, что я был прав, и мои акции в посольстве соответственно выросли».

Военные поставки в Китай значительно усиливали сопротивление китайской армии. Китайский фронт поглощал и новые военные формирования Японии, и почти все бюджетные вливания империи. Согласно сводкам по Востоку, которые ежемесячно готовил советский Разведупр, на 20 февраля 1939 года численность сухопутных войск империи составляла 1,753 млн человек. В Китае, по данным разведки, находилось 752 тысячи, в Маньчжурии – 359, в Корее – 60 тысяч. Орудий соответственно – 1975, 1052 и 264; танков – 1295, 585 и 34; самолетов – 1360, 355 и 90. То есть в Китае было сосредоточено почти вдвое больше сил и средств, чем в Маньчжурии и Корее вместе взятых. В Китае находились 24 дивизии из 35, имевшихся в японской армии, почти все танковые части, железнодорожные полки и полки связи.

Впрочем, после японско-советского конфликта у озера Хасан в 1938 году Квантунская армия в Маньчжурии готовилась к новым боям. Так, от майора Шолля Рихард Зорге получил информацию об активизации военных приготовлений Японии в этом районе. 23 января 1939 года он сообщил об этом в Москву. Однако в той же радиোগрамме он высказал свое мнение о возможном развитии событий: «Я и другие думаем, что это не означает подготовку войны с СССР, так как японцы не в состоянии затеять войну сейчас, когда они с трудом удерживаются в Китае». В июне 1939-го, в разгар конфликта на Халхин-Голе, Зорге подтвердил эту оценку. В аналитическом письме руководству Разведупра он отмечал: «Война против Китая, стремление остаться и закрепиться в нем порождают чрезвычайную напряженность в Японии. Поэтому без поддержки Германии перед Японией не стоит вопрос одновременного ведения войны и с СССР. Чтобы ставить перед собой подобную цель, Япония должна прежде всего осуществить коренную реорганизацию своей армии, флота и авиации. По собственным япон-

ским прикидкам, на это уйдет по меньшей мере 2–3 года. Думается, что на этот срок Япония должна гарантировать себе передышку. Но это не значит, однако, что на указанный период следует исключить возможность крупных столкновений на границах с Монголией и Сибирью». Иными словами – на крупные провокации японское командование может решиться, а на войну с северным соседом японское правительство империи не пойдут. Об этом же свидетельствовала и военная статистика. К июню 1940-го общая численность японской армии, по данным разведывательной сводки №7 по Востоку, увеличилась на 230 тысяч, впервые в мирное время перевалив за два миллиона. Но численность Квантунской и Корейской армий практически не менялась. Как и в предыдущие годы, китайский фронт «съедал» большую часть японской армии. По данным на 1 июня 1940 года, на фронтах в Китае находилось в три раза больше японских войск, чем в Квантунской армии, в два раза больше орудий и танков. Боевую технику, которую выпускали японские заводы, тоже переправляли в Китай. Летом 1940-го Китай продолжал удерживать огромную японскую армию, не давая возможности японскому командованию перебросить их к советским дальневосточным границам и начать войну против СССР. На 1 марта 1941 года, по данным разведки, на трех китайских фронтах находилось 1,1 млн японских солдат, 900 самолетов, 750 танков и 2550 орудий разных калибров. По всем показателям это более чем в два раза превышало численность Квантунской армии.

Конечно, безопасность советского Дальнего Востока обеспечивала в первую очередь Дальневосточная группировка РККА, значительно превосходившая Квантунскую армию. Но несомненно, наличие китайского фронта также повлияло на решение советского руководства начать в 1941 году переброску войск с Дальнего Востока на Запад и в конечном счете способствовало успешному отражению немецкой агрессии на первом этапе Великой Отечественной войны.

«Прошу уволить из рядов КГБ по собственному желанию»

ИСПОВЕДЬ БЫВШЕГО ОФИЦЕРА СОВЕТСКОЙ РАЗВЕДКИ, НЫНЕ СПЕЦИАЛИСТА ПО ИСТОРИИ ШПИОНАЖА АЛЕКСАНДРА ВАСИЛЬЕВА

■ Владимир АБАРИНОВ

Публикация 2009 года

На обложке книги «Шпионы: взлет и падение КГБ в Америке», которая вышла в США в мае этого года и произвела сенсацию, в числе трех авторов значится имя Александра Васильева. Саша – мой друг, связь с которым прервалась полтора десятка лет назад, и, конечно, собираясь писать о книге, я искал контакта с ним. Но один из двух его соавторов-американцев, Харви Клер, передал мне от него привет и дал понять, что на большее рассчитывать не стоит. Однако, после того как в августовском номере «Совершенно секретно» было опубликовано интервью Клера с моими комментариями и документами из досье Васильева, Саша сам вышел на связь. Оказалось, он не мог давать интервью по условиям контракта с Би-би-си, где он работал, но вот теперь он оттуда ушел и готов говорить. Я позвонил ему в Лондон. Мы говорили два дня в общей сложности около трех часов – уже не о книге, а о нем самом и его неординарной судьбе.

– Расскажи, как ты попал в КГБ...

– Я учился на международном отделении журфака МГУ. У меня была именная стипендия, три языка, я уже был членом КПСС, комсоргом курса. И в 1983 году кто-то из руководства факультета сказал мне, что со мной хотят встретиться и поговорить насчет будущей работы. Я получил адрес и время, когда туда надо приехать. По указанному адресу, около станции метро «Парк культуры», между старым МГИМО и инязом, за забором находилось здание XIX века. Позже я узнал, что в КГБ это здание называлось «объект «Рябина»». Вывески на двери не было, только звонок. Позвонил – открыли. Во время беседы слов «Комитет госбезопасности» никто не произносил. Мне просто сказали, что работа ответственная, предполагает выезды за рубеж. Я сразу понял, о чем идет речь, и согласился. После этого начался, видимо, период проверки моих родственников, связей с заграницей, которых ни у меня, ни у моей семьи не было никогда. Я тем временем закончил журфак. Потом были экзамены – иностранный язык и изложение. Меня приняли, но сказали, что я должен год поработать где-то журналистом, набраться опыта. Я пошел в международный отдел «Комсомольской правды» и до лета 1985 года работал там. Потом меня как бы призвали в армию: в редакцию пришла повестка якобы из военкомата. Но, естественно, все всё поняли. Первым делом нас отправили в Молдавию в воздушно-десантную дивизию и месяц там тренировали. Таких физических нагрузок я больше никогда в жизни не испытывал. Но и никогда не был в такой форме, как после этих сборов – одни кости и мускулы. Апофеозом был прыжок с парашютом. Диверсантов из нас никто не готовил – главной целью было проверить морально-психологическую устойчивость. Осенью мы вернулись, и следующие два года я провел на объекте в окрестностях Москвы: двухэтажный корпус в лесу, с бассейном, теннисными кортами. Кормили хорошо, на выходные отпускали к семье – у меня в то время уже были жена и ребенок. Потом была распределительная комиссия. Со мной проводил собеседование генерал Якушкин Дмитрий Иванович – он тогда был начальником 1-го отдела, занимавшегося США и Канадой, в Первом

главном управлении (ПГУ). Не знаю, почему – наверно, нервы – я пришел на комиссию в белом костюме-тройке, белых туфлях, голубой рубашке и голубом галстуке. Я выглядел как Джон Траволта в фильме «Ли-хорадка в субботу вечером».

– По тем временам вызывающе!

– Когда я вошел, кто-то насмешливо хмыкнул. Но карьеры мне это не испортило. Якушкин взял меня в свой отдел. Я, конечно, был очень рад, потому что 1-й отдел ПГУ считался самым элитарным, и попасть туда было большой честью. Но работать оказалось ужасно неинтересно. Это было трудное время для отдела. Я не знаю точно, когда начали работать с Олдричем Эймсом, но примерно в это время, в 1986–1987-м, руководство разведки узнало о предательстве на американском направлении. Одного парня из нашего отдела – фамилия его была Моторин, почти мой ровесник, – расстреляли. Я его никогда не видел. Эймс заложил человек 10–12, расстреляли почти всех. (В списке Эймса, полученном Москвой 13 июня того же года, значились 11 имен. По его информации были арестованы, осуждены и расстреляны, в частности, генерал ГРУ Дмитрий Поляков, работавший на ЦРУ 25 лет, полковник КГБ Леонид Полищук и молодые сотрудники ватингтонской резидентуры Валерий Мартынов и Сергей Моторин. – В. А.) И у нас в отделе была довольно мрачная обстановка. К нам, молодым, относились очень вежливо, называли всех по имени-отчеству, на «вы», даже генерал. Но, с другой стороны, нам не доверяли, и два с половиной года, которые я там проторчал, до февраля 1990-го, я ничего интересного не делал: перебирал какие-то дурацкие бумажки, делал отметки о входящих телеграммах, читал открытые американские журналы по политике – вот, собственно, и все.

– Скажи, а извне ты чувствовал какой-то свежий ветер? Все-таки это уже была гласность, перестройка...

– Да, конечно. Ну, во-первых, публикации в «Московских новостях», «Аргументах и фактах». По средам выходили «Московские новости». Кто-то приносил свежий номер в отдел. Причем купить газету было трудно, надо было в пять утра в очередь вставать. Читали, обсуждали публикации – про Ленина, Сталина, их соратников. Потом очень сильный момент был Первый съезд народных депутатов. Он же целиком транслировался в прямом эфире. И работа в отделе тогда вообще замерла, потому что все, включая начальство, сидели и слушали радио. А там говорили такое, что невозможно было представить, что это когда-нибудь вообще может быть сказано открыто. Потом все это обсуждалось в курилках...

– С начальством тоже?

– С начальством нет. Начальники тоже разные люди были. Они, видимо, обсуждали это между собой. Я одно время отвечал за политинформации. Ну, а поскольку газеты и так все читают, мне хотелось сделать что-то особенное. В районе, где я тогда жил, избирался в депутаты Рой Медведев. Я ходил на его выступления и потом в отделе рассказывал об этом. Реакция была разная и не зависевшая от звания и должности. С одной стороны, были заместители начальника отдела, они все адекватно воспринимали, с другой – от своего непосредственного начальника я получил замечание за то, что я пересказываю выступления Медведева, но не даю им политическую оценку.

Вообще для разведки крушение старых стереотипов и идеалов очень опасно. Всякого рода резкие перемены внутри страны сильно влияют на тех, кто работает за границей. Остаться за границей очень легко – надо просто пойти и сдать ФБР. Тот, кто это

делает, выдает всех остальных. Эффект каждого такого ухода может быть катастрофическим. Замораживается работа на месяцы, если не на годы. Поэтому руководителей все это очень сильно пугало. Они внимательно присматривались к нам – кого можно послать за рубеж, кого нельзя. И у меня возникло чувство, что я каким-то образом, постепенно, оказался в списке неблагонадежных. Хотя напрямую мне этого никто никогда не говорил.

– То есть ты ушел, потому что не видел перспектив?

– Это была комбинация факторов. Отсутствие перспектив – не самый главный. Любому мало-мальски думающему сотруднику разведки понимает, что то, чем он занимается, – это преступление. Твоя задача – завербовать агентов, которые приносили бы тебе секретную информацию или помогали бы тебе вербовать других. Потом этих людей скорее всего посадят. В США это автоматически пожизненное заключение. Семья разрушена, опозорена. Страдает не только он, но еще несколько человек. Что происходит с тобой? В худшем случае тебя выкидывают из страны, ты возвращаешься в Москву, тебя повышают в звании, тебе дают орден и спустя какое-то время тебя отправляют в другую страну. Это надо понимать, какой вред ты наносишь конкретному человеку, который в силу различных обстоятельств начинает доверять тебе, нарушает законы своей страны, ставит на карту свою свободу и благополучие своей семьи...

– Ну не ребенок же он!

– Для тебя это не оправдание. Поэтому, когда ты идешь на эту работу – а я очень хотел там работать, – ты понимаешь, что делать ее ты можешь только ради каких-то высоких идеалов. И в 1984–1985 году я знал, что этот идеал, выражаясь высокопарно, – защита моей родины. К 1990-му году эта убежденность у меня исчезла.

– А оборотная сторона Лубянки – террор, репрессии – тебя не беспокоила?

– Абсолютно нет. Во-первых, когда я туда шел, я про это мало что знал. Ну а когда появилась информация, начались публикации, ни у меня, ни у моих товарищей не возникало чувства стыда, потому что мы не связывали одно с другим. Разведка сама по себе. Хотя мы и находимся все под одной крышей, мы к этому отношения не имеем.

– Да, это знакомая позиция. Ну, а как же истребление перебежчиков и невозвращенцев – то, чем занимались Яша Серебрянский, Олег Калугин? (Полковник ГВ Яков Исаакович Серебрянский – руководитель Особой группы при председателе ОГПУ, известной как «группа Яши», в чью задачу входили похищения и убийства. Олег Данилович Калугин – глава управления «К» – внешняя контразведка – ПГУ КГБ. В этом качестве занимался поиском и ликвидацией перебежчиков. – В. А.)

– А мы не знали ничего про это. Кто такой Яша Серебрянский, я понятия не имел.

– В Краснознаменном институте вам ничего не рассказывали об Игнате Рейссе, Вальтере Кривицком? (Краснознаменный имени Ю.В. Андропова институт КГБ СССР (ныне Академия внешней

разведки). Рейсс, Кривицкий – сотрудники НКВД, невозвращенцы; первый ликвидирован в Швейцарии, второй совершил самоубийство в США, однако многие эксперты считают самоубийство инсценировкой. – В. А.)

– Нет. Нам не преподавали историю разведки. И когда я работал в отделе, интерес к истории не поощрялся. Его никто особо не запрещал, но, допустим, американские книжки о разведке лежали в спецхране, и для того, чтобы их прочесть, надо было просить специальное разрешение.

– Изумительно: внутри КГБ свой спецхран! Согласись, абсурд...

– Соглашусь. Или взять Олджера Хисса, о котором после обеих моих книжек столько шума. (Высокопоставленный сотрудник Госдепартамента США. Книжки, написанные Васильевым в соавторстве с американскими специалистами, ставят точку в многолетнем споре о том, был ли Хисс советским шпионом. Был. – В. А.) Работая в американском отделе ПГУ, я никогда не слышал этого имени. Работа строилась на совершенно четком принципе: знаешь только то, что тебе необходимо знать.

– Как происходило твое увольнение?

– В феврале 1990 года я написал рапорт: «Председателю КГБ СССР генералу армии Крючкову В.А. от оперуполномоченного 1-го отдела ПГУ капитана Васильева Александра Юрьевича. Прошу уволить меня из рядов КГБ СССР по собственному желанию, потому что я не поддерживаю политику нынешнего руководства КПСС и не считаю нужным ее защищать». Написал бумагу и положил ее в свой сейф, решил еще немного подумать. А тут вдруг до нас доходит слух, что демократы собираются провести демонстрацию у штаб-квартиры ПГУ в Ясенево. Дескать, возможны провокации и поэтому нам раздадут пистолеты, чтобы защищаться, если демонстранты полезут через забор... Вот в этот день я и подал рапорт. И все произошло очень быстро. Меня вызвал один из заместителей начальника отдела. Полковник, хороший мужик, мне ужасно нравился. Захожу – он спрашивает: «Ты все продумал?» Я говорю: «Да». «Ну, – говорит, – я должен с тобой побеседовать, так что ты тут посиди, а я поработаю». Я посидел у него с полчаса молча, потом он меня отпустил. Потом меня вызвали к начальнику отдела. Он очень вежливо со мной поговорил, спросил, чем я хочу заниматься. Я сказал, что думаю заняться международной журналистикой. Он спросил, какие у меня есть просьбы или вопросы. Я сказал, что мне не хотелось бы, чтобы мне закрыли выезд. Формально я был секретноносителем, и они имели право это сделать. Генерал говорит: «В капстраны мы вам выезд пока закроем, а в соцстраны сможете ездить». Хотя это уже был 1990 год, какие там соцстраны... Короче говоря, меня уволили в один день – вывели за ворота, забрали пропуск, и я стал абсолютно свободным человеком.

– А не было разговоров типа «Мы с вами еще увидимся, друг другу пригодимся»?

– Нет. Ни разговоров, ни намеков. Хотя и есть такая идея, что чекистов бывших не бывает, вот и Путин об этом говорил. На самом деле зря он это сказал – тем самым поставил многих людей в неудобную ситуацию. Многие уволились из КГБ после августовского путча и никогда больше не имели с органами никаких дел. То же самое было и со мной. У меня вообще возникла интересная ситуация. Я вернулся в международный отдел «Комсомольца», который наполовину состоял из офицеров-подкрышников. Там было полно народу, которые все про меня знали и поначалу смотрели на меня косо – вдруг я стану таким маленьким Калугиным и начну обличать их с высоких трибун. Но поскольку меня отпустили гуманно, не портили мне

жизнь и не приставали с глупостями, то и у меня никогда не было злых чувств по отношению к ПГУ, я по-прежнему относился с уважением к этой организации, только работать там не хотел.

– Расскажи о книжном проекте. Все-таки тебя в разведке не забыли, привлекли к сотрудничеству, хоть и на другой лад...

– Когда возник этот проект, все было уже по-новому, не было ни КГБ, ни ПГУ – была Служба внешней разведки. Директором СВР стал Евгений Примаков, которого я знал с тех пор, когда он выступал в качестве советника Горбачёва по международным вопросам. Начальником пресс-бюро СВР был Юрий Кобаладзе. Издать замыслилось пять книг, каждую в соавторстве с американцем. Авторы с российской стороны подбирал Кобаладзе, а издательство Crown, которое входит в корпорацию Random House, – американских. Примаков хотел, чтобы кто-то в этой команде был гражданским и чтобы умел писать; вместе с тем человек должен был знать материал, понимать язык, которым написаны архивные документы. Простой пример: если какому-то американскому политику разведкой присвоен псевдоним, это еще не значит, что он был агентом...

– У Президента США тоже был псевдоним!

– Да, у Рузвельта – «Капитан», у Трумэна – «Матрос». Таких тонкостей, в которых нужно разбираться, много. Одним словом, в 1993 году мне на работу позвонил Кобаладзе и предложил участвовать в проекте – работать над книгой о деятельности советской разведки в США в 1930–1940-е годы. Соавтором моим должен был стать Аллен Вайнштейн. Я в то время был сильно загружен, помимо газеты вел программу на первом канале и засомневался: не активное ли мероприятие весь этот проект, не получится ли псевдоистория? Но Кобаладзе сказал, что ничего подобного – работать предстоит с реальными архивными делами. Я согласился, подписал договор с издательством и в январе 1994 года начал работать. При чем я даже подписок о неразглашении никаких не давал. Поскольку, как уже было сказано, историю я практически не знал. К тому времени я прочел только книгу Эндрю и Гордиевского и несколько американских книжек, которые были в пресс-бюро, так что начинать пришлось с чистого листа. Начать я решил с дел оперативной переписки, куда сваливается без разбора вся корреспонденция между центром и резидентурой. По первой тетрадке видно, что работал я поначалу бессистемно. Постепенно накапливал информацию, систематизировал, составлял реестр псевдонимов. А потом в одном из таких дел я нашел список провалов, составленный Анатолием Горским в декабре 1948 года (*Анатолий Вениаминович Горский – помощник резидента, затем резидент НКВД в Лондоне, с октября 1944-го – резидент в Вашингтоне. «Список Горского» включает 91 имя. – В. А.*). Теперь это культовый документ для историков разведки. Тут-то мне, что называется, и «поперла фишка»: сразу стало ясно, кто основной агент, кто второстепенный, кто чем занимался, расшифрованы многие псевдонимы. И я стал отрабатывать этот список – заказывал личные дела агентов. И мне их приносили. Почти всегда.

– Что значит «почти»?

– Когда Примаков дал «добро» на этот проект, это вовсе не означало, что у меня карт бланш. Архивные дела закреплены за конкретными подразделениями. Подразделения сами решали, участвовать им в проекте или нет. Управление «С», нелегальная разведка, и управление «Т», научно-техническая разведка, вообще отказались принимать участие. А бывший мой отдел, американский, отнесся к проекту с интересом и никаких препятствий не чинил. И вот так я проработал два года. Приезжал в пресс-бюро каждый день, как на службу.

– Ну, и как же это все закончилось?

– В 1995 году почувствовалась напряженность. Думаю, руководство СВР стало в то время задумываться, что будет в 1996-м, в год президентских выборов. Я лично был абсолютно уверен, что победит Зюганов, и мало знал людей, которые считали, что у Ельцина есть хоть какие-то

СЕРГЕЙ МИХЕЕВ/КОММЕРСАНТЪ

«РИА НОВОСТИ»

«РИА НОВОСТИ»

Слева направо: Юрий Кобаладзе – в 1990-х начальник пресс-бюро Службы внешней разведки. Евгений Примаков – глава СВР в тот же период. Владимир Крючков – бывший председатель КГБ СССР

шансы. У меня появились трудности: дела стали привозить не так быстро, как раньше, сильно замедлилась работа комиссии по рассекречиванию, которой я должен был представлять написанные главы. Комиссия была создана специально под этот проект. Своему американскому соавтору я мог передать текст только после одобрения комиссии. Какие-то фрагменты быстро прошли рассекречивание, а вот глава об атомном шпионаже, одна из самых важных, застряла на семь или восемь месяцев; она в итоге так и не вернулась из комиссии.

– Скользкая тема: с одной стороны, хочется продемонстрировать эффективность разведки, а с другой – получается, советские атомщики сами ничего не придумали...

– Дело не в этом. Перед любой разведкой стоит сложная задача. Чтобы привлечь новые кадры и новую агентуру, ей нужно рассказывать о своих успехах, рекламировать себя. Но если рассказывать о конкретных операциях во всех деталях, этим можно отпугнуть потенциальных агентов – они будут думать, что рано или поздно их имена рассекретят, и все узнают, что они были, грубо говоря, предателями. Для разведслужб это очень серьезная проблема. У СВР есть простой и, на мой взгляд, правильный принцип: если человек сам не признался, что он сотрудничал с советской или российской разведкой, то они про него никогда не будут официально говорить, что он был агентом.

– Вспоминается ответ Примакова на запрос Волкогонова о Хиссе: «Служба внешней разведки справок о том, кто шпион, а кто нет, не дает»...

– Они вообще такие вещи, как правило, не комментируют.

– Ни Эймса, ни Хансена до сих пор не признали агентами...

– Даже с Розенбергами была проблема. Насколько я знаю, полковник Александр Феклисов, который работал с ними, еще в 1980-е годы выступал за то, чтобы официально признать их роль, и утверждал, что они бы сами этого хотели, если бы были живы.

– Давай вернемся к проекту...

– В 1995 году издательство Crown в одностороннем порядке расторгло договор со мной и моим американским соавтором. Причины мне неизвестны – вероятно, финансовые. Я узнал об этом от Кобаладзе, но при этом он сказал, чтобы я продолжал работать. И я продолжал. Они действительно хотели, чтобы книги вышли. Мой соавтор сразу стал искать издателя и нашел. Это был Random House. Но новый договор был заключен уже без участия СВР.

– Ты говорил и писал об угрозах, которые вынудили тебя уехать из России.

– Тучи сгустились постепенно. Ну, а потом, знаешь, в пресс-бюро СВР разные ведь люди работали: умные, глупые, либералы, консерваторы. Была группа сотрудников, которые с самого начала относились ко всей этой затее с подозрением, говорили, что мой соавтор – агент ЦРУ. А в январе 1996-го произошла такая сцена. Сидим мы в пресс-бюро, пьем чай, смотрим новости по телевизору, а там показывают Зюганова. И один из тех особо бдительных сотрудников поворачивается ко мне и говорит: «Когда мы придем к власти, мы с тобой разберемся, посмотрим, чего ты там понаписал». А я знал, что несколько человек из пресс-бюро официально состоят в КПРФ: платят взносы, ходят на партсобрания. Не совсем

понятно, каким образом они это совмещали с работой в СВР, потому что тогда действовал закон о департизации, который запрещал госслужащим состоять в политических партиях. А тот, кто обещал со мной разобраться, был у них чуть ли не секретарем партиячейки. (Действовал не закон, а указ президента Ельцина от 20 июля 1991 года «О прекращении деятельности организационных структур политических партий и массовых общественных организаций в государственных органах, учреждениях и организациях РСФСР». 17 декабря 1997 года вступил в силу Федеральный конституционный закон «О правительстве РФ», 11-я статья которого гласит, что члены правительства не имеют право занимать наряду с другими должностями в общественных объединениях. Закон этот остается в силе по сей день. – В. А.)

– Может, шутил так?

– Не думаю. Я уже тебе говорил, что в избрании Зюганова я не сомневался. После этого случая я просчитал варианты. Было ясно, что после избрания Зюганова полетит не только Кобаладзе, но и Примаков. Защитить меня будет некому. А привязаться ко мне было элементарно – я был допущен к документам с грифом «Совершенно секретно», и мне грозило минимум закрытие выезда из страны. Это значит, что я не смог бы работать журналистом-международником. Ну, а в худшем случае дело вообще могло обернуться скверно, потому что я никак не смог бы доказать, что я не передавал Вайнштейну никаких секретов. Все это я обдумал, обсудил с женой, и мы решили уезжать. Я договорился с редактором «Экспресс-газеты», что он пошлет меня в Лондон корреспондентом без зарплаты. И в середине мая мы уехали.

– Материалы для книги с собой увез?

– Я боялся досмотра на таможне. Все уже написанные тексты – и рассекреченные, и нет – перегнал на дискеты, дискеты положил на дно сумки, а из ноутбука все стер. Но это была только малая часть материалов. Все остальное существовало в виде тетрадей, в которых я делал выписки из архивных дел – в общей сложности 11 тысяч страниц. Тетради эти я тем более боялся везти через границу и оставил их в Москве.

– И что было дальше?

– Я честно четыре года работал на «Экспресс-газету». А в 2000 году по контракту был принят на Русскую службу Би-би-си. В том же году мы получили вид на жительство.

– Тем временем первая книга вышла?

– Наша с Вайнштейном книжка «Заколдованный лес» вышла в начале 1999 года. И я совершенно неожиданно для себя попал в эпицентр очень суровой политической борьбы в Америке. Я имею в виду группу либералов, немногочисленную, но очень активную. Меня объявили врагом номер один и стали очень упорно подрывать мою репутацию.

– А в чем заключались их претензии? Что ты обогнал честных людей?

– Да, в основном речь шла об Олджере Хиссе. Я нашел документы, из которых ясно видно, что он был советским агентом. Хисс всегда отрицал это, и американские либералы ему безоговорочно верили. Они пытались доказать, что его оклеветало ФБР, что он стал жертвой сенатора Джозефа Маккарти и Никсона, который сделал политическую карьеру на деле Хисса. (Речь идет о событиях 1948 года. Будущий 37-й Президент США, а в то время конгрессмен Ричард Никсон

расследовал обвинения против Хисса в качестве члена Комитета нижней палаты по антиамериканской деятельности. – В. А.) Я этого совершенно не ожидал. Мне все опротивело. Я видеть не мог имени «Олджер Хисс». И занялся совершенно другим проектом – вместе с двумя коллегами стал издавать журнал на русском языке под названием «Гайд-парк». Журнал просуществовал два года.

– А тетрадки так и лежали?

– Так и лежали у меня дома. Я был уверен, что с историей покончено, у меня остались неприятные ощущения из-за склоки с американскими либералами. Эти странные люди вместо того, чтобы думать о будущем, живут вчерашним днем, пытаются выиграть битвы 50-летней давности. Ну а потом я как-то зашел на Википедию, стал читать статью про Олджера Хисса и увидел там ссылку на сайт Джона Хейнса, которого я знал по книге о проекте «Венона», написанной в соавторстве с Харви Клером. (Проект «Венона» – программа расшифровки радиообмена советских резидентур в США. Изучение материалов радиоперехвата началось в феврале 1943 года, но первый значимый результат был получен лишь в июле 1946-го. – В. А.) Я кликнул по ссылке, стал смотреть его сайт и вдруг наткнулся на свой почерк – это был документ из моих тетрадей, тот самый «список Горского». Копию я сделал в свое время для суда. И вот каким-то окольным путем она попала к Хейнсу. Там же на сайте обнаружилась статья Дэвида Ловенталя – брата Джона Ловенталя, который к тому времени умер, а его брат продолжал борьбу. Статья эта была обо мне и наполнена всяческим вымыслом. Я написал Хейнсу, он сразу же ответил, опубликовал мое письмо у себя на сайте и спросил, есть ли у меня еще какие-нибудь документы, не использованные в книге «Заколдованный лес», вышедшей в 1999 году. Я ответил, что в книге использовано процентов десять моих материалов. С этого и началась наша работа над книгой «Шпионы».

– Проект был трудоемкий и, насколько я понимаю, дорогостоящий...

– Да. Весь этот массив документов нужно было перевести на английский. Хейнс и Харви нашли фонд, который согласился финансировать работу. Но прежде чем фонд выделил деньги, они собрали в Вашингтоне группу специалистов по истории советской разведки, пригласили меня с тетрадями и стали устанавливать аутентичность документов – смотрели тетради, задавали мне вопросы, обменивались мнениями. Потом написали свои заключения. И мы засели за работу. Продолжалась она два с половиной года.

– А каким образом можно установить подлинность документа, если это не оригинал и не факсимильная копия?

– Во-первых, подделать такой объем невозможно. Это же сотни имен, псевдонимов, обстоятельств. Существует масса американских документов, содержание которых мне было неизвестно. Скажем, материалы проекта «Венона» тогда еще не были опубликованы, да и сейчас опубликованы не полностью. А есть еще материалы ФБР – наружное наблюдение, допросы. Увязать такое великое множество мелких деталей немислимо. И потом здесь столько специалистов высочайшей квалификации, что я бы никому не советовал заниматься подделками. Посмотри, что произошло в Америке с книгой Судоплатова или с Волкогоновым, который вдруг заявил, что установил по архивным документам, что Хисс не был советским агентом. Обоих мгновенно вывели на чистую воду. Здесь люди собаку съели на истории шпионажа. Хейнс и Клер увидели в моих тетрадях много такого, чего я сам не видел. Так что пытаться подделывать такое досье – дело безнадёжное. Эксперты, собравшиеся тогда в Вашингтоне, говорили мне, что мои материалы, как фрагменты мозаики, идеально совпадают с американскими.

– Чем ты будешь заниматься теперь?

– Пишу второй роман, ищу издателя и надеюсь, что это станет моей основной профессией. Кроме того, есть идея сделать телесериал по книге «Шпионы». Это мог бы быть отличный российско-американский проект.

Вашингтон

«ДЕЛО О СИБИРСКОЙ ЯЗВЕ», КОТОРОЕ БЫЛО ЗАКРЫТО АМЕРИКАНСКИМИ СПЕЦСЛУЖБАМИ В СВЯЗИ С САМОУБИЙСТВОМ ГЛАВНОГО ПОДОЗРЕВАЕМОГО — МИКРОБИОЛОГА БРЮСА АЙВИНСА, ВНОВЬ ЗАСТАВИЛО ЗАДУМАТЬСЯ О ГРОМАДНОЙ РАЗРУШИТЕЛЬНОЙ СИЛЕ НАУЧНОГО ГЕНИЯ

Октябрь 2001 года, Вашингтон. Проверка зданий на наличие спор сибирской язвы

Франкенштейны XXI века

■ Аврора ПОТЕМКИНА

Публикация 2008 года

Я умолк — и он заговорил прерывающимся голосом: «Несчастный! И ты, значит, одержим тем же безумием? И ты испил опьяняющего напитка? Так выслушай же меня, узнай мою повесть, и ты бросишь наземь чашу с ядом!»

Мэри Шелли. «Франкенштейн, или Современный Прометей»

Семь лет назад, ровно через неделю после небывалого бедствия — нападения террористов на Нью-Йорк и Вашингтон — Америку поразила новая напасть. В Конгресс, офисы телекомпаний и редакции газет стали приходить письма с вымышленным обратным адресом.

Адресатами посланий были известные люди: лидер сенатского большинства Том Дэшл, обозреватель телекомпания NBC Том Броко, а флоридский издательский концерн American Media получил письмо для передачи поп-диве Дженифер Лопес.

Никто из перечисленных лиц не пострадал. Письма вскрывали секретари и сотрудники редакций. При вскрытии конверта из него высыпался мелкий белый порошок. Это были споры сибирской язвы. Получателю оставалось вдохнуть — и убийственная инфекция попадала в носоглотку. Таким образом погибли пятеро американцев. 17 человек заразились кожной формой болезни и выжили.

В стране был момент, близкий к панике. Люди стали пугаться просыпанной муки и сахарной пудры. Почтальоны облачились в респираторы и резиновые перчатки. Генеральный почтмейстер США Джон Поттер рекомендовал гражданам всю корреспонденцию обрабатывать раскаленным утюгом. Смертоносные письма продолжали приходить весь октябрь, а в ноябре перестали. Публика успокоилась. Но расследование продолжалось.

Постер двух голливудских триллеров, снятых в 1930-х годах прошлого века: «Сын Франкенштейна» и «Невеста Франкенштейна»

Первой же версией, что вполне естественно, была причастность «Аль-Каиды». В ее пользу говорило и содержание писем. Корявыми печатными буквами в них было написано: «Смерть Америке, смерть Израилу, Аллах велик».

Специалисты указали на исключительно высокое качество спор. Для того чтобы в организме успешно развилась легочная форма сибирской язвы, размер частиц порошка должен быть не менее одного микрона и не более пяти. При меньшем диаметре человек полностью выдыхает частицы; при большем они оседают в полости носа или в трахее, не достигая легких. Для заражения требуется от 8 до 10 тысяч спор. Порошок взлетает при легком дуновении воздуха, но не оседает, как пыль, а превращается в невидимое облако. Эта технология составляет государственную тайну. Такое производство невозможно

наладить в кустарных условиях — для этого требуется сложное лабораторное оборудование и высокопрофессиональные специалисты. Дилетант убьет самого себя.

В качестве вероятной страны-производителя называли Ирак. Менее вероятной, но также заслуживающей внимания, считалась версия российского происхождения спор. Статью о контактах бен Ладена с российскими преступными группировками, которые могли снабдить «Аль-Каиду» биологическим оружием, опубликовала газета Washington Times, известная своими связями с разведсообществом США. На эти свои источники газета и ссылалась, но не приводила никаких подробностей.

И иракский, и российский след оказались ложными. К тому же эксперты установили, что письма писал, всего вероятнее, белый американец, для которого английский язык родной. В конечном

счете следствие сконцентрировалось на ученых, имеющих доступ к соответствующим технологиям и биологическим материалам. Всего в американской программе по исследованию сибирской язвы за последние пять лет было занято около 200 человек. Имеющих доступ к оборонным разработкам — 50. Практически все они работали в Институте инфекционных заболеваний сухопутных сил США на базе Форт-Детрик в штате Мэриленд. Во второй половине июня 2002 года список сократился до одного имени, и это имя попало в прессу: бывший сотрудник института в Форт-Детрике микробиолог Стивен Хэтфилл. После увольнения из армейского института он поступил на работу в компанию SAIC, выполняющую заказы Пентагона.

Утечка была допущена следствием вполне сознательно, с расчетом оказать на Хэтфилла психологическое давление. В тот момент, когда на пороге дома Хэтфилла появились агенты ФБР, чтобы учинить обыск, над крышей зависли вертолеты крупнейших телекомпаний. Его жизнь превратилась в ад, научная карьера оказалась разрушена. Министерство обороны без объяснения причин закрыло Хэтфиллу доступ к работе с секретными материалами, и компания SAIC вынуждена была его уволить.

По ложному следу

Почему следствие сосредоточилось на Хэтфилле? Логика доказательств против него напоминала ситуацию романа Альбера Камю «Посторонний»: нагромождение случайных обстоятельств, искусственно связанных в одну цепочку.

Сын миссурийского коннозаводчика, Хэтфилл изучал биологию в маленьком колледже в Канзасе, год работал врачом у методистских миссионеров в Заире, а затем осел в Зимбабве и женился на белой уроженке этой страны, которая тогда называлась Родезией. В 1979–1980 годах, когда Хэтфилл работал в этой стране, произошла крупнейшая из зарегистрированных вспышка сибирской язвы. В основном кожной формой болезни заразились около 10 тысяч человек. Специалисты до сих пор не решили, имела

Стивен Хэтфилл перед журналистами отрицает свою причастность к смертоносным письмам

выпешка естественные причины или была следствием применения биологического оружия в ходе гражданской войны между белым правительством и черными повстанцами.

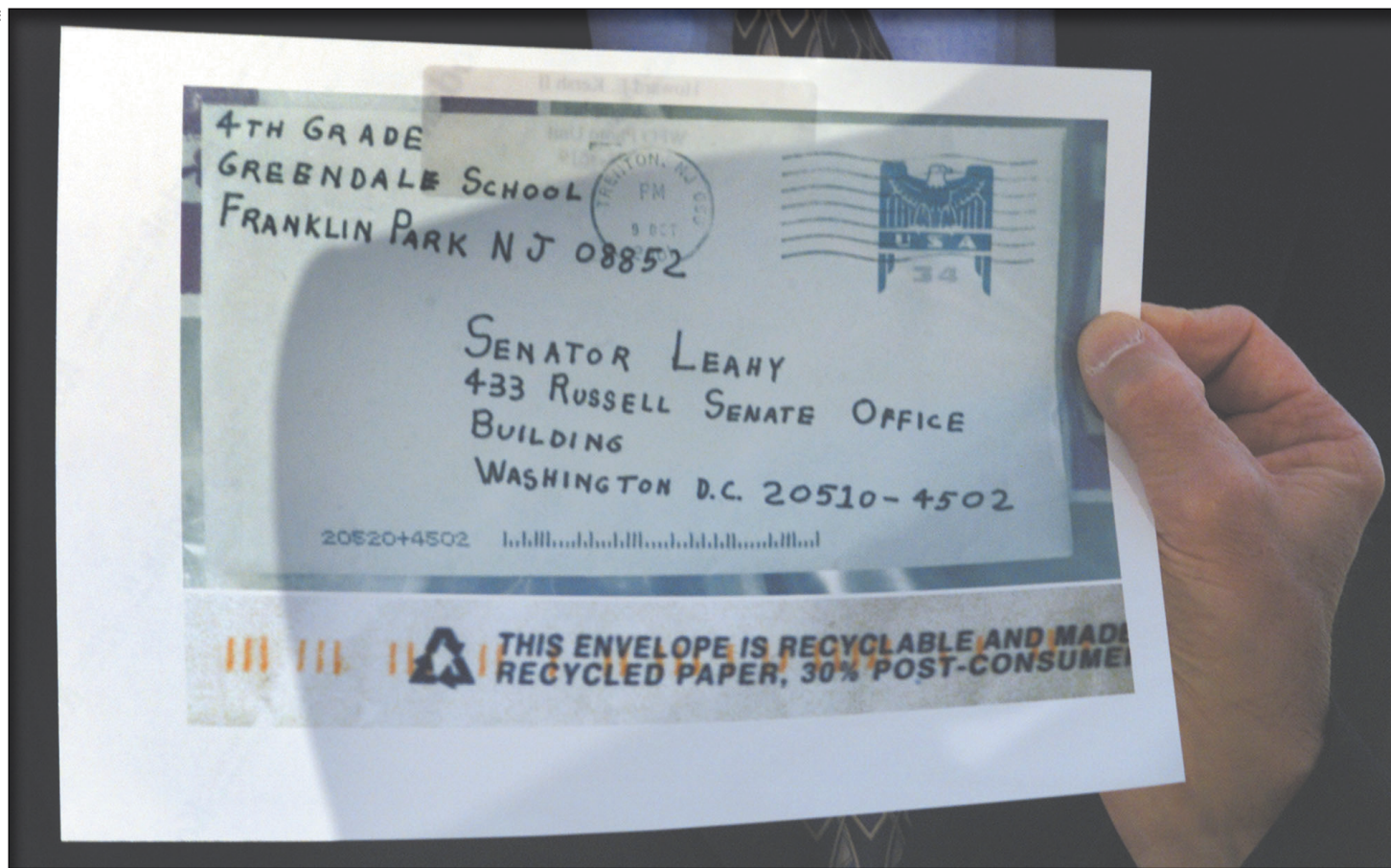
48-летний доктор биологии прошел подготовку в американском спецназе, умеет управлять самолетом и оказывать медицинскую помощь летчикам и подводникам. В качестве врача южноафриканской экспедиции провел 14 месяцев в Антарктиде. Подавал документы на замещение должности инспектора ООН по биологическому оружию и хотел работать в Ираке.

Подозрения на себя Хэтфилл навлек тем, что в 1999 году от имени SAIC заказал исследование возможных последствий «почтовой атаки» при помощи спор сибирской язвы. Хэтфилл действовал не от имени какого-то клиента фирмы, а по собственному почину: доклад предназначался для внутреннего пользования. Исполнителем заказа был Уильям Патрик – выдающийся микробиолог, в прошлом один из руководителей американской программы создания биологического оружия, свернутой в 1970-х годах по решению Ричарда Никсона. Когда спецслужбы занялись Хэтфиллом, 75-летний Патрик прошел трехчасовое испытание на детекторе лжи, после чего ФБР предложило ему стать консультантом следствия.

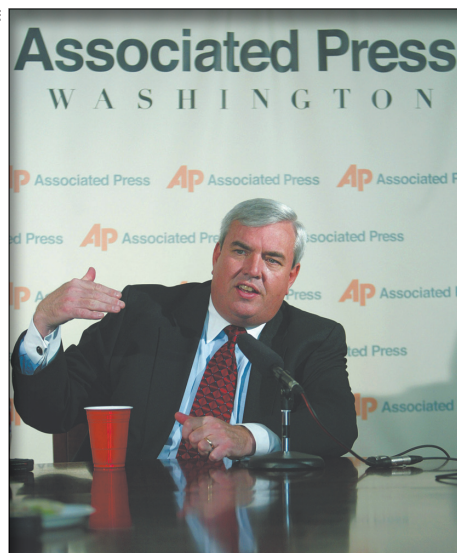
Изучение родезийского периода биографии Хэтфилла дало неожиданный результат. Выяснилось, что в Родезии он жил неподалеку от школы Гриндейл. «Школа Гриндейл» – обратный адрес некоторых писем со спорами сибирской язвы.

Но у Хэтфилла оказались крепкие нервы. Он отчаянно сопротивлялся. Хэтфилл обвинил журналистов и правительство в нарушении презумпции невиновности. Он твердил, что занимается вирусами, прежде всего вирусом Эбола, а не бактериями, никогда в жизни не исследовал сибирскую язву, любит свою страну и будет бороться за свое честное имя. «Я не убивал людей сибирской язвой», – говорил он на пресс-конференции, созванной его адвокатами. – Мне ничего неизвестно об этих атаках. Я не имею абсолютно никакого отношения к этому ужасному преступлению».

Потом он понял, что надо не оправдываться, а атаковать, и в августе 2003 года вчинил иск тогдашнему министру юстиции Джону Эшкрофту, требуя компенсации за распространение ложных сведений о нем.

Копия одного из конвертов, в которых была разослана инфекция.

Генеральный почтмейстер США Джон Поттер советует всем гражданам проглаживать получаемые письма горячим утюгом

испытывал ее на резус-макаках. Он знал, что следствие готово предъявить ему обвинения официальным порядком, и принял сверхдозу ацетаминофена (анальгетик в составе обезболивающего средства Tylenol).

Обаятельный безумец

Хэтфилл и Айвинз – полные противоположности, даже внешне. Хэтфилл – мужчина плотного сложения, коренастый, с волевым мясистым лицом, похожий на борца или боксера-тяжеловеса. Айвинз – типичный интеллигент с тонкими чертами лица. По мере углубления в подробности личной жизни Айвинза его образ раздваивается и превращается в новую версию доктора Джекила и мистера Хайда.

В одном, позитивном своем обличье Брюс Айвинз – успешный ученый, заботливый семьянин, прилежный прихожанин-католик, талантливый пианист, ловкий жонглер-любитель и сочинитель юмористических куплетов о сослуживцах. Айвинз сочинил забавную песенку даже про гвинейского червя, которым он тоже занимался в своей лаборатории, и исполнял ее под гитару на международной конференции в теплой компании коллег. Знавшие Айвинза в этом образе не могут поверить в то, что он способен на преступление, тем более убийство.

Оказалось, однако, что друзья и коллеги знают о покойном далеко не все. Другая, негативная ипостась Брюса Айвинза раскрылась недавно. Подозрения ФБР тяжело сказались на его душевном

Тяжба тянулась долго. Наконец суд вызвал повесткой пятерых журналистов и потребовал от них назвать должностных лиц, разгласивших тайну следствия. Журналисты отказались. Тогда судья отправил за решетку бывшую журналистку газеты USA Today за неуважение к суду и постановил взыскивать с нее по 5000 долларов каждый день, пока она не согласится давать показания. Решение было издано 7 марта этого года. 27 июня правительство США согласилось выплатить Стивену Хэтфиллу 5,8 миллиона долларов в качестве компенсации за моральный и материальный ущерб, причиненный разглашением конфиденциальной информации.

Спустя месяц и два дня, 29 июля, покончил с собой 62-летний Брюс Айвинс, другой микробиолог из Форт-Детрика. Уже после его смерти выяснилось, что после того, как подозрения были сняты с Хэтфилла, подозреваемым стал он. В отличие от Хэтфилла, Айвинс работал с сибирской язвой, создавал вакцину и

состоянии. Он начал посещать психотерапевта – как групповые сессии, так и индивидуальные. 7 июля он заявился на групповую сессию в таком состоянии, что психотерапевт Джин Дали вынуждена была вызвать полицию. По ее словам, Айвинс был перевозбужден и на ее вопрос, что с ним, ответил, что достал пистолет и бронежилет и станет теперь убивать своих сослуживцев. И изложил детальный план, как он это намерен делать. Или, того лучше, продолжал Айвинс: он выйдет сейчас на улицу и начнет задиравать прохожих – пусть только попробуют ответить.

Его отправили в психиатрическую лечебницу. Оттуда он дважды позвонил психотерапевту. Оба раза записал сообщения на автоответчик. Один раз был в бешенстве, другой, спустя три минуты – совершенно спокоен; ледяным тоном сказал врачу спасибо за то, что она разрушила его жизнь – теперь, дескать, у полиции есть все основания обвинить его в рассылке спор сибирской язвы.

► В судебном заседании, когда слушалось это дело, психотерапевт заявила, что у Айвинса диагностирована социопатия, что он превращается в «убийцу-мстителя, когда чувствует, что им пренебрегают, особенно женщины», и что в 2000 году он и впрямь пытался отравить кого-то.

Столкнувшись с обвинениями в непрофессионализме и возможном доведении подозреваемого до самоубийства, Министерство юстиции США опубликовало материалы дела против Брюса Айвинса. По этому случаю в Вашингтоне была созвана пресс-конференция, на которой должностные лица, непосредственно занимавшиеся расследованием, изложили свои доводы в пользу виновности Айвинса.

Заместитель директора вашингтонского отделения ФБР Джозеф Персичини рассказал, что к Брюсу Айвинсу следствие привела специально разработанная технология, позволяющая совершенно точно идентифицировать штамм сибирской язвы: «Мы смогли проследить цепочку до конкретной лаборатории, затем до конкретной, единственной колбы и единственного лица, под чьим контролем находилась эта колба. Кропотливое расследование привело нас к заключению, что д-р Брюс Айвинс виновен в смерти одних, заражении других и в создании атмосферы страха в нашей стране».

«Не могли бы вы сказать, – спросили у прокурора Тэйлора, – каким образом д-р Айвинс сумел вынести сибирскую язву из лаборатории и при этом не заразил самого себя?» «Он сделал себе прививку от сибирской язвы», – таким был ответ прокурора. Почему агенты ФБР не предотвратили самоубийство? Джефф Тейлор сказал, что за Айвинсом следили с тех пор, как он выписался из клиники. Но уследить не смогли: «Мы были готовы помешать ему причинить вред кому-либо другому. Но мы не смогли помешать ему причинить вред самому себе».

Но каковы были мотивы Брюса Айвинса? Это самое загадочное во всей истории. У следствия нет однозначного ответа. Одно из предположений состоит в том, что Айвинс устроил биологическую атаку для того, чтобы получить дополнительное финансирование своей программы разработки вакцины против сибирской язвы.

Оправдан, но не разъяснен

Вернемся к Стивену Хэтфиллу. Есть некоторая странность в том, что Хэтфилл проявлял какую-то чрезмерную, навязчивую, чтобы не сказать маниакальную, активность в изобретении сценариев биологической атаки. В августе 1997 года некий внештатный автор по имени Фред Рид – не исключено, что это псевдоним самого Хэтфилла, – писал в газете Washington Times: «Мой приятель Стив Хэтфилл, медик с многолетним опытом работы в третьем мире, хорошо знаком с распространенными там инфекционными заболеваниями. Что произойдет, спрашивает он, если террористы попытаются использовать возбудителей болезней в качестве биологического оружия против Америки?» Далее излагаются два сценария, в одном из которых звонок злоумышленника с сообщением о том, что пища в школьном буфете заражена бактериями сибирской язвы, оказывается ложной тревогой. Во втором сценарии террорист разбрызгивает бактерии чумы в мужском туалете Всемирного торгового центра.

В январе 1998 года еженедельник Insight напечатал фотографию Хэтфилла. Он позирует на собственной кухне в армейском противогазе и защитном комбинезоне. Центральной темой этого номера журнала была неподготовленность Америки к биологической атаке. Подпись под иллюстрацией гласит, что террорист имеет полную возможность извлечь штамм чумы из трупа луговой сойки и получить пригодные для атаки бактерии при помощи веществ, купленных в ближайшей бакалейной лавке, пользуясь обыкновенной кухонной плитой.

В том же 1998 году Хэтфилл и его соавтор Роджер Эйкерс зарегистрировали в Федеральном бюро по охране авторских прав сюжет романа о биологической атаке. Эта проба пера навлекла позже на Хэтфилла дополнительные подозрения ФБР.

Микробиолог Брюс Айвинс, которого подозревали в организации бактериологической атаки

Главный герой произведения – палестинский террорист Исмаил Абу Асифа. Деньги ему платит Ирак. Роман начинается эпизодом гибели от загадочной болезни южноафриканской экспедиции в Антарктиде. Восемь лет спустя та же болезнь поражает одного за другим членов обеих палат американского конгресса, а затем и высших должностных лиц администрации в Белом доме. В стране воцаряется паника. Для своей атаки Асифа пользуется бактериями бубонной чумы. Все необходимое оборудование куплено им в Вашингтоне – по подсчетам Хэтфилла, для этого требуется всего 387 долларов. Для заражения Белого дома террорист применяет инвалидную коляску, в которую вмонтирован распылитель. А проникает он туда под видом туриста вместе с экскурсией. Президент заражается смертельной болезнью непосредственно перед своей поездкой в Москву...

Научный гений как род недуга

Неужели в мозг исследователя, имеющего дело с оружием массового уничтожения, рано или поздно проникает синдром суперзлодея? Неужели ученый-безумец, одержимый идеей мирового господства – не выдумка, не ходульный персонаж масскульта?

Первооткрывателем образа ученого, бросающего вызов Создателю, была Мэри Шелли. Она написала своего «Франкенштейна» 19 лет от роду и впоследствии подробно рассказала об обстоятельствах, при которых был создан роман. Лето 1816 года Мэри и ее муж поэт Перси Шелли проводили на берегу Женевского озера в обществе Байрона и физика Джона Полидори. Лето оказалось дождливым, и компания много времени проводила у камина на вилле Байрона, развлекаясь дискуссиями на самые разные темы. Среди прочего речь зашла и о возможности оживления мертвой материи. Этот вопрос тогда чрезвычайно волновал ученое сообщество.

В самом конце XVIII века итальянский физиолог Луиджи Гальвани поразил Европу зрелищем «воскрешения» мертвой лягушки электрическим разрядом. Зрелище дергающихся лапок умерщвленной амфибии потрясло современников. Младший соотечественник Гальвани Алессандро Вольта пошел дальше. Он изобрел прибор, названный вольтовым столбом, и устраивал публичные сеансы «оживления»: «Я делал их не только над лягушками, но и над угрями и над другими рыбами, над ящерицами, саламандрами, змеями и, что важнее, над мелкими теплокровными животными, именно над мышами и птицами». «По всей Европе поднялась волна экспериментов, наладивших прямую связь между биологическими лабораториями, мясными лавками, гильотинами и кладбищами, – пишет Никола Витковски в своей «Сенти-

ментальной истории науки». – С электродом в руке Вольта заставлял шевелиться отрубленный бараний язык и стрекотать обезглавленных кузнечиков».

А в январе 1803 года племянник Гальвани Джованни Альдини «оживил» человека. Это произошло в Лондоне, в Королевском хирургическом колледже, на глазах у врачей, студентов и любопытствующей публики. Для опыта из тюрьмы Ньюгейт был доставлен труп только что повешенного по приговору суда убийцы Джорджа Фостера. Доктор Альдини коснулся электродами, подсоединенными к электрической батарее, лица покойника – и его челюсть задрожала, лицевые мышцы исказились в жуткой гримасе, открылось левое веко. Помещение электрода в прямую кишку заставило труп сжать кулаки и размахивать ими в воздухе, высоко задирая ноги...

Мэри Шелли по молодости не могла видеть ни опытов Гальвани и Вольты, ни жуткого сеанса доктора Альдини. Но у Перси Шелли была в детстве электростатическая машина, на которой он увлеченно повторял опыты знаменитых «гальванистов».

Разговорившись на мистико-научные темы, Байрон предложил каждому из присутствующих написать «сверхъестественный» рассказ. И было Мэри видение в спальне: «Мне привиделся бледный ученый, последователь оккультных наук, склонившийся над существом, которое он собирал воедино. Я увидела омерзительный фантом в человеческом облике, а потом, после включения некоего мощного двигателя, в нем проявились признаки жизни, его движения были скованы и лишены силы. Это было ужасающее зрелище; и в высшей степени ужасающими будут последствия любых попыток человека обмануть совершенный механизм Творца».

Виктор Франкенштейн и его чудовище не были в полной мере плодом воображения юной беллетристики. Они родились из самых значительных научных открытий того времени.

Идея научного интеллекта как душевной болезни особого рода быстро завоевала популярность. А в 1864 году Чезаре Ломброзо опубликовал свой сенсационный труд «Гениальность и помешательство», в котором зачислил в душевнобольные интеллектуальный цвет человечества, в том числе Ньютона, Паскаля, Ампера, Вольту... «Если после стольких примеров, взятых из современной нам жизни и в среде раз-

личных наций, – писал Ломброзо, – найдутся люди, еще сомневающиеся в том, что гениальность может проявляться одновременно с умопомешательством, то они докажут этим только или свою слепоту, или свое упрямство».

За Виктором Франкенштейном тянется длинная вереница героев Натаниеля Готорна, Роберта Стивенсона, Жюль Верна, Герберта Уэллса. Главный враг Шерлока Холмса, профессор Мориарти, – прежде всего выдающийся ученый. Помните: «Он происходит из хорошей семьи, получил блестящее образование и от природы наделен феноменальными математическими способностями. Когда ему исполнился двадцать один год, он написал трактат о биноме Ньютона, завоевавший ему европейскую известность. После этого он получил кафедру математики в одном из наших провинциальных университетов, и, по всей вероятности, его ожидала блестящая будущность. Но в его жилах течет кровь преступника...»

К слову, знаменитый сыщик едва не погиб от биологического оружия. В рассказе «Шерлок Холмс при смерти» он получает по почте шкатулку слоновой кости, при попытке открыть которую выскакивает пружина и царапает получателя, заражая его смертоносными бактериями. Сам Холмс называет заразу, которую он чуть не подцепил, «лихорадкой Тапанули» (Тапанули – провинция на Суматре) или «формозской черной язвой». Современные микробиологи полагают, что симптомы, описанные Конан Дойлом, схожи с симптомами заражения ложным сапом или сибирской язвой.

Наконец, вспомним открывателя «красного луча» профессора Персикова из булгаковской повести «Роковые яйца» и инженера Гарина с его гиперболоидом – у обоих налицо явные отклонения в психике. Галерею кинозлодеев открывает жуткий доктор Калигари из знаменитого немецкого фильма 1920-х годов, продолжают Ротванг из «Метрополиса» Фрица Ланга и доктор Стренджлав Стэнли Кубрика – мрачный пародийный гибрид Йозефа Менгеле и Вернера фон Брауна. Уж эти-то двое – никак не выдумка...

Неужели Брюс Айвинс принадлежит к этому ряду реальных и вымышленных ученых? Мы этого уже никогда не узнаем. И не находится ли в шаге от этого ряда оправданный Стивен Хэтфилл?

Вашингтон

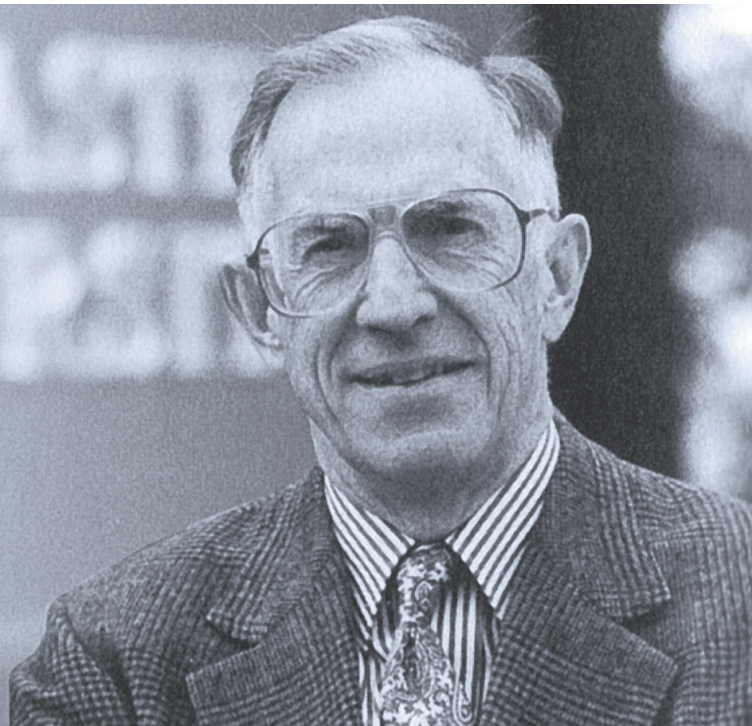

После самоубийства Айвинса полиция навестила его вдову

Последний «шпион», который вернулся с холода

**ИСТОРИЯ НИКОЛАСА
ДАНИЛОВА –
АМЕРИКАНСКОГО
ЖУРНАЛИСТА,
НА КОТОРОМ ФАКТИЧЕСКИ
ЗАКОНЧИЛАСЬ ХОЛОДНАЯ
ВОЙНА И ВМЕСТЕ С НЕЙ
ПОЗОРНАЯ ПРАКТИКА
РАЗМЕНА ПОЛИТИЧЕСКИХ
ЗАЛОЖНИКОВ**

■ Владимир АБАРИНОВ

Публикация 2008 года

Тридцатого августа 1986 года среди бела дня в центре Москвы, в районе Ленинских гор, был арестован американский шпион. Он только что встретился со своим осведомителем и получил от него пакет с секретными документами – «органы» взяли его с поличным. В Москве он работал под журналистской крышей. Звали журналиста-шпиона Николас Данилов – Daniloff, как пишет он свое имя по-английски.

В Лефортовской тюрьме, куда его доставили сразу после ареста, следователь объявил Данилову: вина его перед Советским Союзом так велика, что не исключена высшая мера.

Горькая ирония истории заключалась в том, что когда-то вот так же сидел перед следователем его предок. Только не в Лефортово, а в Петропавловской крепости. И следователь, генерал-адъютант Левашов, мерцая золотом эполет, вот так же грозил борцу с деспотизмом виселицей...

С тех пор прошло 22 года. Советского Союза больше нет. Николас Данилов недавно выпустил книгу «О шпионах и пресс-секретарях». Я позвонил ему в Вермонт и попросил интервью. Он спросил, на каком языке мы будем говорить. Говорили вперемежку на обоих.

Прапрадед

– Давайте начнем с вашей родословной. Кем приходится вам декабрист Александр Фролов?

– Это мой прапрадед по мужской линии. Он состоял членом Южного общества и был приговорен по второму разряду – 20 лет каторги и бессрочное поселение в Сибири. Позднее приговор был смягчен сначала до 15, потом до 10 лет каторги и бессрочного поселения. А когда на престол вззошел Александр II в 1855 году, он освободил всех декабристов, которые еще оставались в живых. И Фролов вернулся в европейскую Россию – сначала поселился в Крыму, а потом в Москве, где и умер в 1885 году.

Александр Филиппович Фролов – сын офицера, воспитанный, что называется, на медные деньги; многочисленное семейство его отца было, как гласят материалы следственного дела, «весьма бедного состояния». В служебном формуляре Фролова значится: «Российской

грамоте читать и писать и арифметике знает». Заговорщиком он стал 20 лет от роду, будучи в чине подпоручика Пензенского пехотного полка. Тайная организация, в которую ему предложил вступить его непосредственный командир капитан Тютчев, называлась Общество соединенных славян.

Об этом обществе сегодня вспоминают редко, мельком, не вникая в особенности. Между тем, оно резко отличалось от Северного и Южного обществ и своей программой, и составом. Создатели общества, офицеры-артиллеристы братья Борисовы и молодой польский шляхтич Юлиан Люблинский своей целью поставили «соединение всех славянских племен в одну республику». У этой славянской федерации должен был быть общий парламент. Россию же планировалось обратить в конституционную монархию.

В обществе состояли люди очень молодые и бедные, дворянство самое заурядное и беспоместное. Пороху по молодости лет эти офицерики в малых чинах еще не нюхали, жили одним жалованьем. Свои собрания они проводили уж никак не «между лафитом и клико» – для таких напитков они были слишком бедны. Терять им было, в сущности, нечего, и по-

тому они в итоге оказались куда более отчаянными революционерами, чем их старшие товарищи, выходцы из аристократических семейств с громадными состояниями.

Слияние «славян» с «южанами» произошло благодаря случайности – личному знакомству Алексея Тютчева с Муравьевым-Апостолом и Бестужевым-Рюминым. Во время доверительной беседы с бывшим однополчанином они предложили ему вступить в тайную организацию. Обомлев, Тютчев признался, что уже состоит в одной.

В декабре 1825-го из Петербурга прилетела весть о разгроме мятежного каре на Сенатской площади; примчался фельдъегерь с приказом арестовать Муравьева. Отступать было некуда. Муравьев стал во главе восстания Черниговского полка, но вождем оказался нерешительным, выжидал, менял планы – в итоге полк сдался на милость властей без единого выстрела.

Александр Фролов не участвовал в восстании и присутствовал всего на одном собрании заговорщиков, где произнес речь Бестужев. «Речь сия заключалась в средствах достижения цели, – показал Фролов на следствии. – Цель была введение кон-

**Внизу: Николас Данилов
(в центре фото, в очках) на встрече
с Никитой Хрущевым, 1963 год.
Вверху: Данилов – профессор Северо-
Восточного университета, 1999 год**

ституции. Время начатия действий не было назначено». Прося о снисхождении, он уверял, что вступил в общество «единственно из одного только подражания». Тем не менее, наказание оказалось суровым. Осужденные были разделены на 11 разрядов по степени тяжести совершенных преступлений – Фролов оказался во втором.

«Мой отец, – пишет Николас Данилов, – на коктейлях в Америке говорил о Фролове пренебрежительно, в своем оборотистом стиле – дескать, был он молодым наивным офицером, примкнул к заговору случайно и был арестован без всякой причины. По семейному преданию, Николай I будто бы сказал Фролову на допросе: «Ну что, щенок, и ты связался с этим сбродом? Мы тебя проучим!» Осталось еще от прапрадеда кольцо, выкованное из железа Нерчинского рудника. Подробности о Фролове Данилов узнал в Советском Союзе. Фраза Николая, как оказалось, звучала так: «Ты, мальчишка несчастный, тоже был с ними!»

В книге Николаса Данилова есть поразительное суждение: для Николая I 14 декабря 1825 года было тем же, чем для Джорджа Буша 11 сентября – угрозой, требующей немедленного и жесткого ответа.

Ссылку Александр Фролов отбывал там же, где и Ленин свою – в Шушенском. Занимался сельским хозяйством, женился на забайкальской казачке Евдокии Макаровой. От этого брака родилось пятеро детей, но двое близнецов умерли младенцами. Дочь старшего сына Николая вышла замуж за капитана Юрия Никифоровича Данилова. Это дед Николаса. В годы Первой мировой войны Юрий Данилов, уже генерал, командовал боевыми частями, служил в ставке верховного главнокомандующего, а затем начальником штаба Северного фронта и в этом качестве был свидетелем отречения Николая II, в котором сыграл некую роль. В марте 1918 года генерал Данилов возглавил группу военных экспертов при делегации большевистского правительства на переговорах с Германией в Брест-Литовске. Эксперты единодушно высказались против мирного договора на немецких условиях, о чем подали записку главе делегации Григорию Сокольникову.

Данилов вскоре после освобождения на встрече в Белом доме с президентом Рональдом Рейганом, октябрь 1986 года

Впоследствии генерал Данилов вышел в отставку, уехал в Киев и вступил в Вооруженные силы Юга России. После окончательного поражения в Гражданской войне вместе с войсками барона Врангеля эвакуировался в Турцию, потом поселился в Париже, где и умер в 1937 году.

– Но ваш отец оказался на Западе раньше деда? Как это произошло?

– Мой отец как сын генерала воспитывался в Пажеском корпусе и к началу войны имел звание поручика. В середине октября 1917 года он был прикомандирован к русской делегации, которая отправилась в Рим на переговоры о военных поставках, в том числе аэропланов. И когда через две недели произошла Октябрьская революция, он решил не возвращаться в Россию. Он остался в Европе, а осенью 1919 года перебрался в Америку.

Два мира – один Шапиро

В книге Николас Данилов добавляет: решив не возвращаться в Россию, члены делегации поделили между собой ее бюджет. На долю 19-летнего секретаря Сергея Данилова пришлось 900 долларов – по теперешнему курсу это 17 тысяч. С этим капиталом он и подался в Америку.

Николас Данилов говорит, что интерес к России пробудила в нем бабушка Анна Николаевна. Она же была его первым учителем русского языка. На работу в Советский Союз в качестве корреспондента агентства United Press International Данилов приехал в годы хрущевской оттепели.

Шефом бюро UPI в Москве был тогда Генри Шапиро. Личность легендарная, он работал в Советском Союзе с 1934 года и освещал убийство Кирова, Большой террор, московские процессы, войну... И все это в условиях жесткой цензуры.

– Нынешнее поколение молодых российских граждан, вероятно, даже не представляет, что в сталинские и первые хрущевские годы сообщения иностранных корреспондентов из Москвы проходили цензуру. Как это конкретно было организовано?

– Прямой телефонной связи с редакциями у нас не было. Нужно было ехать на Центральный телеграф рядом с Кремлем, везти туда текст депеши в письменном виде, в нескольких экземплярах, которые передавались цензору. Своими глазами этих цензоров мы никогда не видели – они сидели в другом помещении, и никакого доступа к ним у нас не было. Так что мы сдавали свои статьи в окошко и просто ждали, когда мы сможем отправить их телеграммой в Лондон, Нью-Йорк или куда-то еще. Ожидание могло занять и 20 минут, и 5 часов.

Чиновник в окошке, получив текст депеши, относил ее в смежную комнату, дверь в которую была прикрыта зеленой портьерой. Самолично цензор по-

являлся из-за зеленой занавески крайне редко. В своей книге Николас Данилов вспоминает, как один французский репортер в своей корреспонденции сравнил советского лидера Никиту Хрущева с Марлоном Брандо, чья звезда как раз тогда ярко воссияла на голливудском небосклоне, но в СССР его, конечно, не знали. Текст долго не возвращался. Наконец, в окне показался цензор. «Кто такой Марлон Брандо?» – строго спросил он француза. «Знаменитый киноактер», – бойко ответил тот. «Господин Брандо играет серьезные роли или комические?» – уточнил цензор. «Конечно, серьезные!» – заверил его журналист. Последовало новое томительное ожидание. Наконец, текст вернулся разрешенным к публикации – за исключением фразы про Брандо, которая была вымарана черной тушью.

– Каким же образом Генри Шапиро при таком жестком контроле удалось не только узнать о смерти Сталина до официального сообщения, но и первым передать эту информацию на Запад?

– Смерть Сталина ожидалась, слухи о том, что его здоровье резко ухудшилось, доходили до иностранных журналистов. Но советские власти хотели, чтобы сообщение о его смерти исходило только от них. Шапиро узнал о том, что Сталин скончался, следующим образом. Вечером 5 марта он послал своего водителя на Пушкинскую площадь за свежим номером «Известий» – газета тогда выходила по вечерам. Водитель подъехал к редакции и увидел, что сотрудники выходят из здания со скорбными лицами и некоторые из них плачут. Он спросил, что случилось, и ему ответили: «Умер Сталин». Газета в тот вечер не вышла. Водитель вернулся, рассказал все это Шапиро, и тот немедленно отправился на Центральный телеграф и позвонил в бюро UPI в Лондоне. В Советском Союзе тогда было всего две международные телефонные линии, которыми могли пользоваться иностранцы. Шапиро получил одну из них. Он знал, что линия прослушивается, и его разъединят, как только он попытается передать новость. Поэтому он сказал человеку, который снял трубку в Лондоне: «Догадайся, что случилось сегодня в Москве». Его собеседником оказался опытный журналист, который сразу понял, о чем речь, и сказал: «Умер Сталин». Шапиро успел сказать: «Да!» – и его разъединили.

Корреспондент AP оказался не таким удачливым. Он бросился в соседнюю кабину и произнес условную фразу, специально придуманную для сообщения о смерти Сталина: «Вышлите мне еще 500 долларов!» Но абонент на том конце провода не знал или забыл код и заявил, что денег больше нет. Официальное сообщение о кончине вождя было опубликовано лишь наутро, 6 марта.

В поисках сенсаций

При Хрущеве цензура сохранялась. Наконец, иностранные журналисты решили, что на волне общей либерализации режима можно попробовать избавиться от нее. В марте 1961 года американские журналисты обратились к Никите Сергеевичу Хрущеву с письмом, в котором писали: вы – лидер, устремленный в будущее, и создание такого рода препятствий для иностранных журналистов отнюдь не укрепляет репутацию Советского Союза за рубежом. Не рассмотрите ли вы вопрос об отмене цензуры?

В своей книге Данилов цитирует это письмо, которое отправил Хрущеву от своего имени ветеран американского журналистского корпуса в России Эдмунд Стивенс (я еще успел с ним познакомиться в Москве в середине 1980-х годов): «Зная Ваше бескомпромиссное отношение к любому виду бюрократической рутины и Ваше стремление укрепить международные отношения, в которых пресса играет заметную роль, я прошу Вас рассмотреть вопрос о такой откровенности. Надеюсь, Вы не примете мои слова за оскорбление и не поймете их превратно».

Спустя месяц журналистов пригласили в МИД, где руководитель отдела печати Михаил Харламов сообщил им, что отныне цензура отменяется. Но сделал он это экивоками. «Поскольку само существование цензуры было тайной, – пишет Николас Данилов, – равно как и перечень тем, не подлежащих разглашению, он объяснил иносказательно, что «приняты меры по улучшению связи корреспондентов с их редакциями».

Это кардинально изменило их жизнь. Они больше не сидели часами на Центральном телеграфе. Им было разрешено установить в офисах телексы – аппараты, которые позволяли пересылать сообщения непосредственно в редакции.

Но отмена цензуры – это полдела. Чтобы что-то сообщить, нужно сначала добыть информацию. В те годы в правительственных учреждениях не существовало пресс-служб и пресс-секретарей, должностные лица встречались с иностранными журналистами крайне редко и только тогда, когда это было нужно им самим, а рядовые граждане встречаться с иностранцами опасались: все они находились под неусыпным наблюдением КГБ, и советский гражданин рисковал навлечь на себя подозрения если не в шпионаже, то в антисоветской деятельности.

– Так откуда же в таких условиях вы брали информацию?

– Это было довольно сложно. Я бы сказал, что 75 процентов информации мы получали из советской прессы. Как вы знаете, в Советском Союзе было множество газет и журналов, центральных и провинциальных, так что мы много чи-

тали. Но 25 процентов нашей информации мы получали из непосредственных наблюдений на улицах, в магазинах, из случайных разговоров с советскими гражданами. В советском Министерстве иностранных дел существовал отдел печати, но его роль сводилась, в сущности, к тому, чтобы скрывать новости, а не распространять их. По действовавшим в то время правилам, иностранные корреспонденты не могли самостоятельно брать интервью у советских граждан – предварительно следовало получить одобрение отдела печати МИДа. Это была тягостная процедура. Надо было писать письмо и потом месяцами ждать разрешения или отказа. Могу также сказать, что событиями, которые мы всегда освещали, были многочисленные демонстрации протеста у американского посольства. Они собирались по разным поводам. Особенно бурными были демонстрации по случаю решения американского правительства оказать помощь Южному Вьетнаму в его войне с Севером. Это привело к беспорядкам у здания американского посольства. Для нас это было большое событие. Мы его освещали во всех подробностях, наблюдая за происходящим на улице.

В июле 1962 года в Советский Союз впервые за многие годы по приглашению Союза журналистов приехала делегация Американской ассоциации главных редакторов газет (ASNE). После поездки по стране (Ленинград, Киев, Волгоград, Ташкент, Самарканд, Тбилиси) гости были приглашены в Кремль на встречу с Хрущевым. Советский лидер долго разглагольствовал о военной мощи Советского Союза, о «глобальном оружии», о ракетах, которые способны «убить муху в небе». Наконец Хрущев закончил свой монолог и спросил американцев, как прошла их поездка, все ли они увидели, что хотели?

Двое гостей, в том числе Роберт Истбрук из Washington Post, в один голос закричали: «Нет!» По окончании встречи члены делегации попросили, прежде чем публиковать свои репортажи, дождаться официальной стенограммы. Стенограмму вручали торжественно, в редакции «Правды», церемония сопровождалась шампанским. Вернувшись в отель, Истбрук заглянул в текст и изумленно обнаружил, что вместо «Нет» в стенограмме значится «Да!». Были в тексте и другие искажения. Он отложил стенограмму в сторону и написал корреспонденцию о встрече с Хрущевым на основе своих записей в блокноте. На официальном банкете главный редактор «Известий», зять Хрущева Алексей Адзубей и глава отдела печати МИДа Леонид Замятин сердито выговаривали Истбруку – по их словам, он отравлял атмосферу советско-американских отношений...

На мой вопрос о самой большой сенсации, какую Николасу Данилову удалось раздобыть за время работы в Советском

Союзе, ответ оказался несколько неожиданным:

– Не скажу, что у меня были какие-то сногшибательные сенсации, но иногда удавалось заполучить информацию, какой не было ни у кого другого. Например, я узнал от одного из своих источников, что Валентина Терешкова при родах перенесла операцию кесарева сечения и по этой причине больше не полетит в космос. В советской прессе об этом не было ни слова.

Сделано белыми нитками

Летом 1986 года семья Даниловых готовилась к отъезду – в Москву уже приехал сменщик Николаса Джефф Тримбл.

– Вернемся в август 1986 года. Что произошло?

– После того, как мы с моим знакомым Мишей попрощались – он пошел на станцию метро «Спортивная», а я повернул домой – рядом со мной остановился микроавтобус. Из него выскочило шесть человек. Они напали на меня, надели наручники и отвезли в Лефортовскую тюрьму. Там меня встретил полковник Сергадеев Валерий Дмитриевич. Он сказал мне: «Господин Данилов, вы арестованы, потому что мы считаем, что вы занимаетесь шпионажем». Доказательством моих шпионских действий был конверт с материалами, который мне передал мой так называемый друг Миша. Внутри конверта были вырезки из среднеазиатских газет, а также любительские фотографии советских солдат в Афганистане. Среди этих снимков была фотография карты с грифом «совершенно секретно». Все это, конечно, было подстроено КГБ. Я понял во время первого же допроса, что мой арест был ответной мерой на арест советского шпиона в Нью-Йорке, Захарова...

– Вы сами это поняли или это вам в Лефортово сказали?

– Они говорили только, что дело Захарова не имеет никакого отношения к моему и что мое дело настолько серьезное, что речь может идти даже... как это по-русски будет... высшей мере наказания.

39-летний Геннадий Захаров – физик, сотрудник комиссии по науке и технике Секретариата ООН – навлек на себя подозрения еще в 1982 году, сразу по прибытии в Нью-Йорк, своей необычной деятельностью. Он часто посещал студенческие кампусы и знакомился со студентами, выдавая себя за русского профессора с вымышленным именем. Его интересовали студенты старших курсов, изучающие физику и компьютерное программирование. Четверых ему удалось «приманить» с помощью денег; они стали внештатными ассистентами «профессора».

Наконец, один из них, студент из Гайаны Лейк Бог, обратился в ФБР и согласился сыграть роль подсадной утки. Кавгусту 1986 года у ФБР накопилось исчерпывающее досье на Захарова. Последней каплей стало предложение гайанцу подписать документ, в котором говорилось, что он согласен за вознаграждение передавать правительству СССР информацию, которая интересует это правительство, в том числе секретную. Шпионское соглашение подписывалось сроком на 10 лет.

Захаров продиктовал текст, не подозревая, что разговор записывается на пленку. 22 августа ФБР получило судебный ордер на арест Захарова и обыск его квартиры и машины. Дипломатического иммунитета у Захарова не было.

На следующий день у Захарова была назначена встреча с гайанцем на автостоянке возле супермаркета. Гайанец имел при себе конверт с секретными документами. Захаров, возможно, почувствовав что-то неладное, перенес встречу на перрон одной из станций метро. Гайанец, сославшись на больную ногу, сказал, что немного задержится. Дождавшись, пока уедет Захаров, он сообщил ФБР новое место встречи.

Группа захвата состояла из мужчины и женщины, одетых для оздоровительной пробежки, и еще одного агента, стоящего на платформе поодаль. Получив конверт, Захаров открыл его и бросил торопливый взгляд на документы. В этот момент за спиной у него оказались бегуны. Мужчина схватил его за руку, Захаров вырвался и, выбросив конверт, побежал по платформе, но споткнулся. При аресте Захаров оказал отчаянное сопротивление. Агентам с трудом удалось надеть на него наручники.

Как утверждал впоследствии руководитель операции Джозеф Хангенмюллер, Захаров на первом же допросе признался в шпионаже, назвал имена сотрудников КГБ, работающих под крышей миссии СССР при ООН, и предлагал свои услуги в качестве двойного агента в Москве. Но Хангенмюллер рассудил, что двойной агент в Нью-Йорке – куда ни шло, а в Москве Захаров быстро превратится в «тройного» и будет поставлять «дезу». Отправляясь в камеру, Захаров пустил слезу и заочно попросил прощения у женщины, которая участвовала в его задержании и которую он ударил в лицо.

Весть об аресте русского шпиона в тот же день стала достоянием прессы. Николай Данилов говорит, что 24 августа они с женой что-то такое слышали по Би-би-си, но не разобрали толком, потому что как раз в эту минуту залаяла собака. Однако позднее им стало известно, что посольство США в Москве предупредило некоторых находившихся в советской столице американских бизнесменов, что им следует проявлять сугубую осторожность – как раз в тот момент «обменный фонд» шпионов оказался пуст.

Захаров был арестован в Нью-Йорке 22 августа, а 30-го, в субботу утром Николай Данилов отправился на встречу со своим знакомым из Киргизии Мишей Лузиным...

– В утверждениях следователя не было и доли правды. Я не занимался шпионажем. Я был журналистом. Конечно, я публиковал информацию, которая иногда не нравилась руководству Советского Союза. Но обвинение в нелегальной деятельности – это была чистая фальшивка.

Несмотря на все усилия следователя Сергадеева, на полноценное дело о шпионаже материалов никак не набиралось.

– Все это было сделано, говоря по-русски, белыми нитками...

– Шито белыми нитками...

– Да, шито...

– Важно, что вам дали возможность позвонить домой и поставить в известность посольство...

– Они обязаны были это сделать по консульскому соглашению. Я хорошо знал содержание этого документа и настаивал на своем праве позвонить. Жена после моего звонка сразу же сообщила в посольство и

Знаменитые предки «шпиона»: прапрадед Александр Фролов (слева) и дед, генерал Юрий Данилов.
Слева сверху: праправнук у могилы Фролова на Ваганьковском кладбище

рассказала о моем аресте всем американским журналистам. Началась кампания за мое освобождение. Жена проявила большую активность, причем она делала это вопреки советам людей из посольства, которые говорили ей: «Не надо кричать, мы решим проблему тихо».

– Сколько суток вы просидели в тюрьме?

– Тринадцать. Это, конечно, не очень много, но все-таки, когда ты не знаешь, что будет завтра и чем все это кончится, страшновато. Каждая минута неприятна.

Русские не извиняются

Быстрое освобождение стало возможным благодаря вмешательству президента Рейгана. Советская сторона не ожидала, что дело поднимется на такой высокий уровень. Но дело в том, что как раз тогда готовилась советско-американская встреча в верхах, в успехе которой были заинтересованы обе стороны.

Впрочем, Президент США поначалу не придавал инциденту значения. Сообщение из Москвы застало его в отпуске. «Пресс-секретарь Белого дома Ларри Спикс, – пишет Данилов, – публично заявил, что подготовка саммита Рейган-Горбачев будет продолжаться, несмотря на мой арест. В дальнейшем администрация разделилась на два лагеря. Сторонники жесткой линии в Совете национальной безопасности, Министерстве юстиции и Конгрессе требовали суда над Захаровым и моего освобождения без всяких условий. Джек Мэтлок, работавший тогда в Совете национальной безопасности и позднее ставший послом в Москве, представил эту позицию государственному секретарю Джорджу Шульцу, который ее отверг. Президент Рейган и высшие должностные лица Госдепартамента вполне отдавали себе отчет в том, что я арестован с целью добиться освобождения Захарова путем переговоров».

Рейган не мог игнорировать дело Данилова по внутриаполитическим соображениям. Благодаря энергии и настойчивости жены Николаса, Рут, инцидент получил широкую огласку. Саммит терял смысл: о чем можно договариваться с режимом, использующим людей в качестве разменной монеты?

Данилов догадался о возможных переменах своей участи, когда его стал навещать начальник тюрьмы Александр Петренко, распорядившийся выдать арестанту дополнительные одеяла и уличисту рацион.

Переговоры велись на разных уровнях и в разных географических точках, в том числе в советском посольстве в Вене, на встрече высоких чинов КГБ и ЦРУ (они тогда впервые увидели друг друга живьем). Американская сторона заверила, что Данилов не сотрудничает с ЦРУ (на

самом деле Конгресс запретил вербовать журналистов).

В конце концов был найден компромисс. В англосаксонском праве есть формула *nolo contendere* – обвиняемый в ответ на предъявленные обвинения заявляет, что не желает оспаривать их. Строго говоря, это не то же самое, что признание вины, но практически последствия ровно те же. Захаров предстал перед судом в Нью-Йорке, не стал оспаривать обвинение, был признан виновным и выдворен из США с запретом на въезд сроком на пять лет. В тот же день, 29 сентября, в Москве освободили Данилова. Дело закрыли. Семья Даниловых тотчас вылетела во Франкфурт, а оттуда в США. Сразу же после этого размена было объявлено, что встреча Рейгана и Горбачева состоится в Рейкьявике 11–12 октября.

Поскольку Вашингтон считал, что имеет право на дополнительную компенсацию, вместе с Даниловым освободили и отпустили на Запад диссидента Юрия Орлова с женой, еще несколько диссидентов получили возможность выехать на Запад для лечения. Мало того. Рональд Рейган пригласил в Белый дом жену Данилова Рут, показал ей список лиц, выезда которых требует американская сторона, и спросил, не хочет ли она добавить какое-либо имя. Она вписала имя генетика Давида Гольдфарба. Первыми в списке значились Андрей Сахаров и Елена Боннэр. Они не получили права на выезд, но их горьковская ссылка вскоре закончилась.

Данилов поехал в Рейкьявик освещать саммит, но советская сторона дала понять, что не желает видеть его на пресс-конференциях Горбачева. Спустя год он решил все же выяснить, на каком юридическом основании прекращено его уголовное дело. По его просьбе Госдепартамент США направил ноту советскому МИДу и получил ответ, что дело закрыто указом Верховного Совета СССР в качестве «акта милосердия».

Николай Данилов впоследствии не раз возвращался в Россию и никогда не имел никаких проблем с получением визы. По его словам, сотрудники посольства обращались с ним подчеркнуто доброжелательно. А в мае 1992 года получил возможность спросить Горбачева, кому пришла в голову идея арестовать его. Бывший Президент СССР приехал в Гарвардский университет с лекцией. Когда пришло время задавать вопросы, Данилов сказал: «Я хочу поприветствовать вас здесь и выразить надежду, что в будущем наши страны станут добрыми друзьями. Друзья должны говорить друг с другом о прошлом и будущем откровенно, без недомолвок. В 1986 году, когда вы готовились к встрече с президентом Рейганом, в Нью-Йорке был арестован советский физик. В отместку за это в Москве КГБ арестовал американского журналиста. Этим журналистом был я. Я хотел бы узнать, кому в вашем аппарате пришла в голову эта светлая идея?»

– И что сказал Горбачев?

– Горбачев ответил, что это было правило холодной войны и ответная мера на арест Захарова в Нью-Йорке. Ну, и привел пример, как выгнали британских дипломатов из Москвы во время премьерства г-жи Тэтчер. Он не извинился. Были люди, в том числе и я, которые считали, что он не очень грамотно ответил на мой вопрос.

– Тем не менее, он фактически признал, что это была провокация.

– Фактически да.

В марте 2001 года, через 15 лет после Лефортова, объявился тот самый Миша Лузин, с помощью которого КГБ и подставило Данилова. Он оставил сообщение на автоответчике Николаса, потом прислал и-мэйл: сообщал, что давно уехал из России и живет в США и изъявлял желание «посидеть за стаканом доброго старого вина и вспомнить бывшее». Назвал Миша и свое настоящее имя: Алекс Яцковский. Данилов ответил, что не прочь выслушать его версию истории, но предполагает, что прежде Лузин должен принести извинения. «Лично я не вижу повода для извинений», – ответил Лузин. – Напомните, за что именно я должен извиняться. В конце концов, каждый из нас делал свое дело». На это послание Николай отвечал не стал.

Вашингтон
Фото из архива Данилова

■ Игорь КОРОЛЬКОВ

Публикация 2008 года

В начале 2008 года правоохранные органы арестовали и препроводили в следственный изолятор бывшего полковника ФСБ Сергея Наумова. До 2002 года он занимал должность заместителя начальника управления «Н», курировавшего таможенно. Бывший полковник обвиняется в вымогательстве, совершенном организованной группой «в целях получения имущества в особо крупном размере».

Следователи главного следственного управления при ГУВД Москвы допросили практически всех участников криминальной истории – потерпевших и их истязателей. На основании некоторых документов, с которыми удалось ознакомиться, мы попытались воссоздать события того злополучного дня – 21 сентября 2007 года.

Бывший полковник ФСБ Сергей Наумов (справа) и человек, которого он представлял как действующего полковника спецслужб Чернышева

Умножение на ноль

ОПЫТ ОФИЦЕРА ФСБ НА СЛУЖБЕ СОБСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

«Собрание акционеров»

К 15 часам в Московский городской гольф-клуб, что на улице Довженко, приехали трое: Владимир Егоров, Александр Шукин и Александр Вознесенский. Еще несколько дней назад они стояли у руля известного в стране предприятия – фабрики «Восход». Той самой, которая более полувека выпускает школьные тетрадки. На этих тетрадках учились выпускники нескольких поколений россиян. Теперь она называется ОАО Производственное объединение «Восход». Егоров был стопроцентным владельцем акций «Восхода» и его генеральным директором, Шукин – возглавлял совет директоров ОАО, Вознесенский был финансовым директором производственного объединения.

С мрачными лицами трое расселись за столиками кафе. Они ждали четвертого. Этот четвертый, страстный любитель гольфа, и пригласил их в клуб, чтобы обсудить вопрос перераспределения акций «Восхода».

Он вошел легкой спортивной походкой. Белоснежная рубашка оттеняла ровный загар на его широком, словно высеченном из камня лице. Всем своим видом вошедший излучал силу и решительность. Если бы нужно было рекламировать спецслужбы, пожалуй, лучшую кандидатуру для рекламного проспекта трудно было бы подыскать. Собственно, он и был полковником до недавнего времени. В 2002-м Сергей Наумов вышел в отставку и теперь не только владел всеми акциями ОАО ПО «Восход», но и был председателем совета директоров общества. Белые одежды полковника и дорогие швейцарские часы Vacheron Constantin стоимостью почти 100 тысяч долларов словно демонстрировали успех и превосходство над теми, кого он пригласил в клуб.

Наумов предложил провести переговоры в более удобном месте – в офисе дома, в котором жил. И все послушно отправились в Тихвинский переулок.

А дальше события развивались по сценарию, к которому бизнесмены совершенно не были готовы. Изложенные сухим языком протоколов, они не могут оставить равнодушными даже человека с крепкими нервами.

В офисе Егорова, Шукина и Вознесенского встретили пять мужчин спортивного сложения. Они ловко и бесцеремонно обыскали их – нет ли записывающих устройств. Затем потребовали оставить в комнате охраны мобильные телефоны. Как только телефоны оказались на столе, охранники тут же вынули из них аккумуляторы и сим-карты.

Здание Серпуховской бумажной фабрики, объединившейся с «Восходом»

Войдя в просторную комнату, Егоров, Шукин и Вознесенский увидели отца и сына Ткачевых. Отец, бывший заместитель начальника управления «К» МВД России, бывший полковник милиции, на «Восходе» возглавлял службу безопасности, а сын, адвокат Амурской коллегии адвокатов, – юридическую службу объединения.

Кроме них, в комнате находилось двое бывших сотрудников «Восхода», в свое время уволенных из объединения. Затем появились Наумов и Михаил Снякин – бывший председатель Федерации дзюдо и самбо Московской области. Вместе с ними вошли и те пятеро, которые их обыскивали.

Егорова, Шукина и Вознесенского увели в разные комнаты. От Шукина потребовали подписать заявление с отказом от каких бы то ни было претензий на акции «Восхода» и его дочерних компаний. А чтобы не вздумал упрямиться, начали избивать. Бил бывший председатель Федерации дзюдо и самбо Московской области. Затем за дело взялся охранник – бил кулаками по лицу и по голове, ногами по почкам. Шукин не мог поверить в то, что происходит. С Снякиным они были знакомы 35 лет. Родители Шукина в свое время всячески помогали парню...

А в это время в соседней комнате обрабатывали Егорова. Били так, что травмировали ухо, а у одного из бойцов, усердствовавшего в экзекуции, «не выдержал» браслет наручных часов. От Егорова, как и от Шукина, требовали подписать заявление, что он не имеет претензий по по-

воду отобранных у него акций «Восхода», а также отказывается от всех связанных с фирмой проектов.

Руководитель службы безопасности Ткачев-старший мотался между комнатами, угрожая пистолетом с глушителем. Затем обоих руководителей «Восхода» притащили в большую комнату. Шукина снова стали избивать, уже на глазах у Егорова. Шукин, понимая, что может не выйти из офиса живым, по требованию Наумова написал расписки: якобы он должен присутствовавшим в комнате в общей сложности 8 миллионов долларов. Из них 1 млн. 200 тыс. долларов Наумову и 6 млн. – Снякину.

Все документы друзья писали под диктовку юриста объединения.

Не били одного Вознесенского. По отношению к нему избрали иную тактику: говорили, что он отличный парень и должен быть вместе с командой Наумова-Снякина.

Ткачев-старший потребовал, чтобы Егоров отдал ему однокомнатную квартиру. В свое время Егоров разрешил там пожить бывшему полковнику милиции, когда тот развелся с женой и оказался на улице. Ткачев прожил в ней больше года...

По приказу Наумова бойцы сорвали с руки Шукина дорогие часы. Затем Наумов предложил отнять у Шукина и Егорова автомобили, поехать к Шукину домой и изъять ценности, которые там обнаружат.

Эту акцию реализовать не удалось: у офиса, не подозревая, что там происходит, Егорова и Шукина ожидали заместитель

директора «Восхода» по экономической безопасности и водитель – ненужные свидетели.

На прощанье бывший полковник ФСБ потребовал, чтобы Егоров, Шукин и Вознесенский не вздумали обращаться в правоохранительные органы: дескать, у него там «все схвачено». Друзья вышли на улицу, когда была ночь. Избитые и подавленные, они разъехались по домам. Егорову вскоре стало плохо, и его поместили в больницу.

Несмотря на угрозы, Егоров и Шукин написали заявления в Генеральную прокуратуру РФ. В результате следственная часть главного следственного управления при ГУВД Москвы возбудила уголовное дело по факту вымогательства. Теперь все эти обстоятельства стали предметом тщательного расследования.

На одну зарплату

Нельзя сказать, что описанный случай уникальнейший. Даже то, что просачивается в печать, говорит о масштабном разло-

жении некогда весьма строгих в нравственном отношении ведомств.

Один из высших офицеров ФСБ, с которым довелось беседовать, нарисовал довольно удручающую картину внутренней жизни этой закрытой структуры. Фактически, признался офицер, служба безопасности занята не столько выполнением своих прямых обязанностей, сколько коммерческой деятельностью. ЗАО – это прозвище одного из руководителей ФСБ, поднявшего уровень коммерциализации Лубянки на невиданную прежде высоту. Об этом уровне можно судить по скандалу, связанному с контрабандными поставками импортной мебели для магазинов «Гранд» и «Три кита».

Когда выяснилось, что скандал с контрабандной мебелью замать не удастся, генерала из ведомства вынуждены были уволить (причем передвинули на весьма выгодное в финансовом отношении место), но дух коммерциализации и новый специфический профессионализм в коридорах Лубянки остался.

Мой собеседник рассказал, с чего начинают новички. Какое-то время осматриваются, изучают обстановку, затем ищут состоятельных людей, которых можно было бы поддеть на «крючок» и тянуть из них деньги.

Мы только можем догадываться, как возделывал свою грядку заместитель начальника управления «Н». По рассказам потерпевших, выйдя в отставку, он одолжил молодым, тогда еще делавшим на «Восходе» первые шаги бизнесменам ни много ни мало 3 миллиона долларов на производственные нужды. Замечу, что ежемесячная зарплата руководителя уровня Наумова в 2002 году со всеми накрутками позволила бы скопить такую сумму более чем за сто лет! А между тем, судя по всему, 3 миллиона долларов в семейном бюджете бывшего полковника были далеко не последними, если учесть, что семье на Рублевке принадлежат два земельных участка и дом на тысячу квадратных метров.

До ареста большую часть года бывший полковник проводил в полюбившейся ему Португалии: отрабатывал удары клюшкой для гольфа на ее зеленых газонах.

Заглянул в Интернет, в «Белые страницы Португалии». Здесь для общественности открыта информация о недвижимости, приобретенной в Европе, и о ее владельцах. На фамилию Наумова «Белые страницы» не отреагировали – нет у бывшего полковника ФСБ недвижимости за рубежом. Но вот на имя его жены – Викторию Александровну Шевчук – Интернет выдал много любопытного. Оказывается, в местечке Вале-ду-Гаррау, что в двух часах езды от Лиссабона, на ее имя записана вилла, а

неподалеку в городке Фаро – супермаркет. Интернет сообщает: Вале-ду-Гаррау находится на берегу моря и окружен элитными клубами и отелями с роскошными полями для игры в гольф. Программа «Гугл планета Земля» любезно предоставила снимки этих объектов, сделанные из космоса. Кроме того, как утверждают наши соотечественники, часто бывающие в Швейцарии, чета Наумовых приобрела особняк и здесь. А через фирму Sotheby's International Realty ведет переговоры о покупке еще одной дорогостоящей виллы на берегу Женевского озера.

Откуда у неработающей женщины столь широкие финансовые возможности, остается только догадываться. Ведь, как мы понимаем, ее муж на свою зарплату тоже не мог позволить себе дорогие приобретения.

Убийственные варианты

Я не посвящен в профессиональные тонкости работы спецслужб, но из скучных рассказов бывших офицеров имею о ней некоторое, пусть и отрывочное, представление. Один из навыков, которые воспитывают у разведчиков и контрразведчиков, – умение добиваться результата любой ценой. Идет ли речь о вербовке агента, о получении нужной информации, о вовлечении человека в задуманную спецслужбами акцию. (Моральные аспекты при этом выводятся за скобки.) Главное, что приходится учитывать при достижении таких целей, – психология людей, знание их сильных и слабых сторон. Оправданные и необходимые в борьбе спецслужб, эти методы могут превратиться в весьма опасное оружие, если их вывести за рамки специфического противостояния разведок, контрразведок и борьбы с организованной преступностью.

Анализируя показания потерпевших, которые они дали на допросах, могу предположить: Наумов неплохо усвоил профессиональные навыки, применив их в «народном хозяйстве».

В бизнес Наумов проникал неторопливо, шаг за шагом. Придумал «крючок», на который зацепил бизнесменов: дескать, Щукин не вовремя вернул проценты за долг. В обмен на «прощение» потребовал долю акций. Затем настоял, чтобы его ввели в совет директоров. И бизнесмены каждый раз уступали натиску.

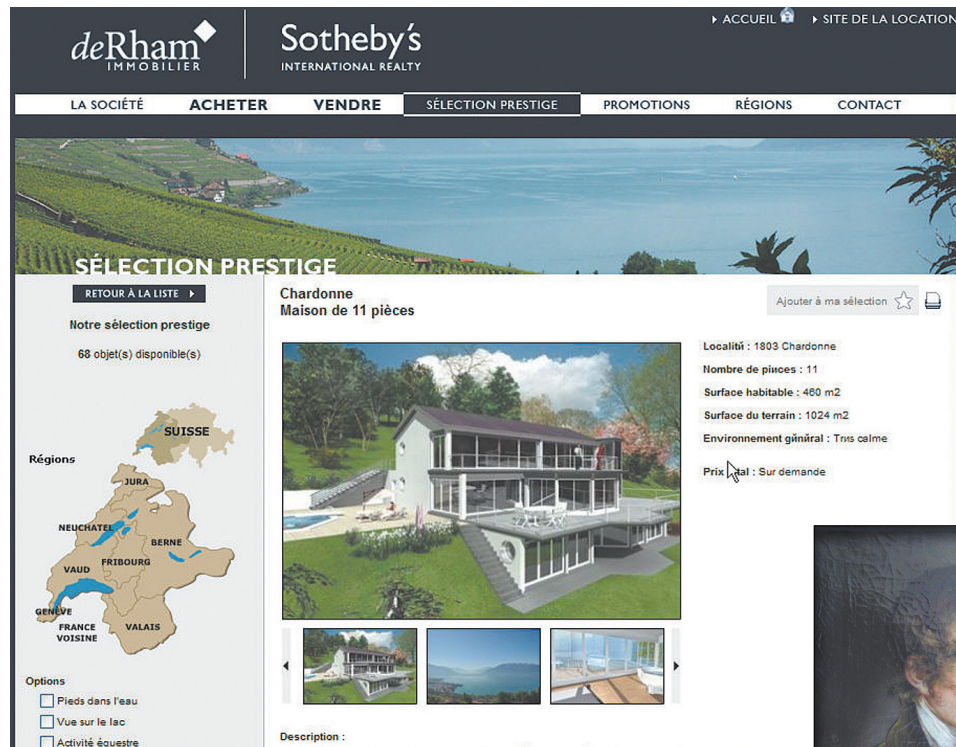
Все это происходило, когда Егоров и Щукин, рассчитываясь с долгами прежних владельцев объединения, пытались поднять производство с колен. Полтора миллиарда рублей предприятие было должно кредиторам, 40 миллионов – рабочим в виде зарплат. Было решено объединиться с Серпуховской бумажной фабрикой, тоже переживавшей не самые лучшие времена – Щукин приобрел почти сто процентов акций предприятия.

Из Москвы в Серпухов, не останавливая производство, в сжатые сроки вывезли и смонтировали 2 тыс. тонн металла – станков и линий. Приступили к реконструкции старых и строительству новых цехов, начали ремонт действующего оборудования, стали закупать новое.

– Мы на предприятии дневали и ночевали, – рассказывает бывший директор «Восхода» по производству Владимир Илюхин. – В результате очень скоро месячная продажа продукции с 7–8 миллионов рублей поднялась до 60! Мы погасили кредиторскую задолженность, выплатили зарплату.

– Щукин и Егоров никогда прежде не занимались бумажным и полиграфическим производством, – вступает в разговор бывший генеральный директор Серпуховской бумажной фабрики Владимир Нивин. – Поэтому мы часто с ними спорили. Но они поставили цель – создать современное производство. Они сплотили команду профессионалов и добились своего. Предприятие стало серьезным конкурентом ведущих производителей бумажных изделий в России.

А затем произошло следующее. Наумов, как пишет Егоров в своем заявлении в милицию, пригласил его в кафе и потребовал, чтобы он отдал все учредительные документы «Восхода». Егоров подчинился. Затем нотариус извлекла из сумки заранее напечатанный договор купли-продажи акций ОАО. Егоров подписал его. Наумов вынул из портфеля сто тысяч рублей. «Нотариус видит, что мы

Пропавшая картина Тропинина «Мальчик с книгой» (справа) обнаружена на даче бывшего полковника ФСБ.

Вверху: домик в Швейцарии оформлен на Викторию Шевчук

рассчитались», – сказал бывший полковник и снова спрятал деньги.

Примерно так же, как с Егоровым, Наумов поступил и со Щукиным. Он заставил переписать на себя все акции ЗАО «Бумизделия», которыми владел Щукин, и переформировать на свою жену акции Серпуховской бумажной фабрики.

Причем все это происходило до того, как бывших владельцев жестоко избил. Последний акт устрашения, видимо, был нацелен на то, чтобы окончательно отбить у них охоту предъявлять какие-то претензии или требовать свои деньги.

Так у «Восхода» появился новый собственник – со своими представлениями о будущем предприятия. Реконструкция замерла, производство упало. Перспективы стали туманными. Илюхин и Нивин, как и многие специалисты, покинули объединение.

В этой истории не дает покоя один вопрос: как законные владельцы акций так легко и безропотно расстались с собственностью?

– Перед тем, как дать договор на подпись, – рассказывает Егоров, – Наумов поставил условие: если я откажусь передать акции, он организует в отношении меня уголовное дело, и я «сгнию в тюрьме». А возможно, заявил Наумов, он выберет другой вариант: прибегнет к помощи бандитов и те меня «закопают». В обоих случаях бывший полковник ФСБ апеллировал к человеку, присутствовавшему на встрече. Это был действующий полковник федеральной службы безопасности. Он работал в центральном аппарате в так называемом бандитском отделе. Я знал его как Чернышева. Всякий раз, когда Наумов заявлял свои права на собственность, Чернышев, как сфинкс, непременно присутствовал при разговоре.

Почему же Егоров, не зная за собой никаких прегрешений, испугался угроз Наумова? Послал бы его ко всем чертям, да и дело с концом!

Возможно, он бы так и поступил, если бы не понимал российских реалий. Многочисленные примеры вокруг демонстрировали возможности спецслужб и правоохранительных органов: они пачками возбуждали уголовные дела, отправляя людей в завшивленные СИЗО. Там с ними можно было делать все, что угодно. Видимо, Егоров понимал: если Наумов захочет, он действительно упрячет его за колючую проволоку.

К тому же, как утверждает Егоров, бывший полковник неоднократно хвастался дружескими связями в криминальном мире. Он и сам все больше стал походить не на бывшего полковника ФСБ, считает Егоров, а на криминального авторитета. Его манера поведения, особенно речь, выдавали принадлежность к сообществу, с которым он сам еще недавно призван был бороться. Наиболее часто употребляемым его выражением стало: «Умножу на ноль!» В переводе на нормальный язык это означает: уничтожу, сотру в порошок.

Пропавший Тропинин

Противостояние Егорова и Щукина, с одной стороны, и Наумова, с другой, отражает процессы, происходящие в России вот уже на протяжении пятнадцати лет. Одни поднимают захиревшие производства, другие их «отжимают».

Нанеся удар по «Восходу», Наумов нанес удар и по бывшему гиганту отечественного авиастроения – Саратовскому авиационному заводу. Тому самому, на котором производят пассажирские «Як-40» и «Як-42», спортивные летательные аппараты, где обеспечивали палубную авиацию России самолетами вертикального взлета. В свое время «Восход» купил фирму «Транс-С», которая владела 51 процентом акций знаменитого САЗа. Егоров и Щукин как раз разрабатывали планы оздоровления предприятия, когда их выкинули из «Восхода». Акции «Транс-С», а значит, и авиационного завода перешли к Наумову.

Выведение САЗ из кризиса, видимо, не входило в его планы: он продал акции частному лицу. Вероятно, это весьма условный собственник акций, на самом деле их приобретатели – люди с солидными финансовыми возможностями. Об этом можно судить по документам, обнаруженным во время обыска на «Восходе» в кабинете адвоката Ткачева. Из них следует: официально за акции заплатили 150 тысяч рублей, фактически же сумма сделки составила 408 миллионов. Обеспечена была эта сумма с помощью так называемой вексельной схемы. В папке оказался один из таких векселей – на 98 миллионов. Его еще не успели обналичить.

Пока бывший полковник ФСБ за счет гордости российского авиастроения пополнял свой личный бюджет, завод оказался еще в более плачевном состоянии. Сегодня он в состоянии банкротства.

Во время обыска на даче Наумова нашлось и кое-что неожиданное для следователей, но вполне объяснимое с учетом личности бывшего полковника.

Когда-то Грозный славился своим Национальным музеем, в котором была собрана богатая коллекция произведений местных мастеров и великих художников Европы. В его залах выставлялись картины Куинджи, Айвазовского, Репина, Коровина. Особой гордостью музея считалась картина Василия Тропинина «Мальчик с книгой». Когда-то она принадлежала Третьяковской галерее, но затем ее передали в Грозный, где она и хранилась до 1994 года. Во время первой чеченской войны музей разбомбили, ценности разграбили. Причем участвовали все – боевики, жулье, военные. Местные жители рассказывают: на их глазах сотрудники ФСБ собирали из музея картины и увозили в неизвестном направлении. В официальных сообщениях событие трактовалось иначе: представители МВД и ФСБ на развалинах собирали

то, что осталось после боев, чтобы затем передать на хранение в МЧС. Что-то действительно сохранили. Но многое бесследно исчезло. В том числе и картина Тропинина. Некоторые из произведений удалось «выловить» в каталогах русских торгов аукционного дома Сотбис, некоторые – на «черном рынке». Но «Мальчик с книгой» канул в Лету.

Когда оперативники обыскивали дачу Наумова, под одним из кресел обнаружили странную находку – картину без рамы, завернутую в какую-то ткань. Отдали на экспертизу. Каково же было удивление специалистов: найденная картина оказалась пропавшей работой Тропинина «Мальчик с книгой!» Не было сомнений – перед ними подлинник стоимостью около

двух миллионов долларов.

По нашим сведениям, вместе с картиной оперативники обнаружили и документ, свидетельствующий о том, что ее пытались незаконно вывезти за границу. Как мы помним, полковник Наумов имел к таможене самое непосредственное отношение. Возникает вопрос: единственное ли это произведение, которое прилипло к рукам офицера государственной безопасности?

Вопрос уместен еще и потому, что в 2001 году в «Независимой газете» (в номере от 29 ноября) была

опубликована весьма любопытная статья под названием «Кремлевские призраки». Автор анализировал качество высшего руководства ФСБ и его проникновение на ключевые посты в административных структурах государства. В статье упоминается и герой нашей истории. «Поговаривают, – пишет газета, – что начальник отдела управления «Н» ФСБ Сергей Наумов в сентябре прошлого года подарил Юрию Заостровцеву (заместитель директора ФСБ, курировал департамент экономической безопасности. – **Авт.**) на день рождения картину стоимостью 40000 долларов. За внимание (и другие услуги) был назначен заместителем начальника управления «Н».

И снова покровители?

Когда материал был написан, у дела Наумова намечился необычный поворот. По постановлению Мещанской прокуратуры Москвы был арестован подполковник Управления по борьбе с организованной преступностью (УБОП) при ГУВД столицы, который принимал участие в аресте Сергея Наумова и задержании Алексея Утенкова – одного из тех, кто, по утверждению бизнесменов, участвовал в их истязаниях. Утенкова, как и других участников избияния бизнесменов, планировали арестовать, но, насколько нам известно, следователь после допроса отпустил его под подписку о невыезде.

Спустя неделю Утенков написал заявление в Управление собственной безопасности МВД: в течение трех часов его непрерывно избивали. Папа Утенкова, оказавшийся ветераном внешней разведки, тоже написал жалобу.

Редко на какую жалобу в службе собственной безопасности реагируют с такой быстротой и столь радикально. Тем более что, по нашей информации, УСБ намерено арестовать еще двух офицеров УБОПа.

Оперативники с Петровки, с которыми мне удалось побеседовать, утверждают: прекрасно понимая, с кем имеют дело, их коллеги и при обысках, и при задержании подозреваемых вели себя предельно корректно. А «наезд» на своих коллег объясняют вероятной коррупцией в собственных рядах. По некоторым сведениям, обнаруженный вексель обналичен, часть денег осела... в правоохранительных органах.

Версия офицеров с Петровки, возможно, не лишена оснований. Оказывается, документы относительно сделки по Саратовскому авиационному заводу, вместо того, чтобы быть приобщенными к материалам уголовного дела, все до последнего листика возвращены на «Восход». А уголовное дело по факту кражи картины Тропинина так и не возбуждено. Теперь неизвестно, дойдет ли до суда уголовное дело Наумова.

Нестандартные солдаты

У УМИРАЮЩЕЙ, КАК ЕЩЕ НЕДАВНО КАЗАЛОСЬ, ПРОФЕССИИ НАЕМНИКА НАСТУПИЛ ЗОЛОТОЙ ВЕК. НАЕМНИКИ ВОЮЮТ ГОРАЗДО ЭФФЕКТИВНЕЕ И ЧЕСТНЕЕ ЛЮБЫХ ООНОВСКИХ «ГОЛУБЫХ КАСОК», НЕ ГОВОРЯ УЖЕ О РЕГУЛЯРНЫХ АРМИЯХ

■ Владимир АБАРИНОВ

Публикация 2007 года

Охваченный гражданским конфликтом Ирак стал Меккой для частных охранных фирм и наемников. На оплату их услуг уходит львиная доля средств, выделяемых Конгрессом США из федерального бюджета. Тем не менее, Ирак остается одним из самых опасных мест на планете.

31 марта 2004 года четверо американцев угодили в засаду и были убиты в иракском городе Эль-Фалуджа. Их трагическая гибель стала поворотным пунктом в общественном мнении и повлекла за собой крупное американское наступление, известное как первая битва при Эль-Фалудже. В этой битве погибли 27 американских солдат и более 800 мятежников и иракских мирных граждан. По мнению военных наблюдателей, эти события внесли значительный вклад в эскалацию вооруженного сопротивления.

Все четверо убитых – ветераны элитных спецподразделений Вооруженных сил США, участники боевых операций на Гренаде, в Панаме, Сомали, Боснии, Афганистане и первой войны в Персидском заливе. Но в Ираке они находились не в составе войск коалиции. Они были гражданскими лицами, сотрудниками частной компании Blackwater USA, которая обеспечивает безопасность персонала, ценностей и объектов других частных подрядчиков, наводнивших Ирак и занимающихся восстановлением разрушенной инфраструктуры.

Председатель комитета Палаты представителей по реформе правительства демократ Генри Воксман, который ведет парламентское расследование коррупции и хищений в рамках программы реконструкции Ирака, считает частный охранный бизнес одним из самых выгодных видов предпринимательства в этой стране. «Мы знаем, – говорил он на слушаниях, – что война в Ираке предоставила частным подрядчикам беспрецедентную роль в обеспечении безопасности. Почти 4 миллиарда долларов налогоплательщиков выплачены частным охранным агентствам, и это только верхушка айсберга, потому что подсчитать доходы и определить качество работы подрядчиков и субподрядчиков практически не представляется возможным».

Адвокат компании Blackwater Эндрю Хауэлл в своих показаниях сделал акцент на самоотверженности персонала фирмы. Однако конгрессмен Воксман гнул свою линию. Его интересовала крайне запутанная структура частных подрядов, в которой растворяются огромные суммы.

«Мир подрядчиков и субподрядчиков, – говорил он, – настолько мутный, что мы не в состоянии докопаться до дна, дойти до конца цепочки, чтобы подсчитать, сколько налоговых долларов мы теряем на каждом этапе распределения субконтрактов. Но последствия этих растрат выходят за рамки сумм, выраженных в долларах и центах. Перед нами сегодня родственники четверых убитых сотрудников компании Blackwater. Они уверены, что компания послала этих сотрудников в Эль-Фалуджу без надлежащей подготовки, не предоставила им бронемашину с пулеметами и тяжелое вооружение для защиты от нападения. Они считают, что налоговые доллары не дошли до сотрудников службы безопасности. Они полагают, что деньги, предназначенные для оплаты снаряжения, тихо осели в виде прибыли в многослойной структуре подрядов и субподрядов».

Погибшие сотрудники Blackwater получали 600 долларов в день. Немало. Но их коллеги из других охранных фирм получают за ту же работу полторы тысячи.

Blackwater USA – одна из крупнейших компаний такого профиля. Ее основатель и владелец – Эрик Принс, миллиардер и ветеран спецназа Военно-морских сил США. От отца он унаследовал состояние в 1,3 миллиарда долларов, которые и вложил в компанию Blackwater.

2300 ее сотрудников работают сегодня в девяти странах, главным образом в Ираке. При необходимости компания, по словам ее руководителей, может быстро увеличить численность своего персонала до 20 тысяч человек. Всего, по данным Управления общей бухгалтерской отчетности США (американская Счетная палата) на февраль прошлого года, в Ираке действуют примерно 48 тысяч сотрудников 181 частного охранного агентства. Сегодня эти цифры могут быть гораздо выше. Это меньше, чем американский контингент в составе сил коалиции, но гораздо больше, чем британский. Это вторая по численности после коалиции воинская группировка в Ираке. На втором месте она и по

Бойцы самой известной «наемнической» компании Executive Outcomes позируют на фоне российского вертолета во время вооруженного конфликта в Анголе в 1994 году

потерям в живой силе – число убитых в Ираке сотрудников охранных фирм составляет около 800 человек.

Кто эти люди? Что это за фирмы? Кому они подчиняются? Какова их роль в иракском внутреннем конфликте?

Коммандос всегда возвращаются

Никто не планировал создавать в Ираке частную армию таких размеров. Так получилось. Охранные агентства взяли на себя работу, которую никто другой выполнять не мог.

Вспоминаются первые дни после освобождения Багдада, ознаменовавшиеся повальными грабежами. Поживу из учреждений и дворцов Саддама тащили и стар и млад, не стесняясь телекамер. Американские солдаты взирали на происходящее в полной растерянности – они оказались не готовы к операциям по пресечению беспорядков такого рода и таких масштабов, их никто этому не учил.

Спустя четыре месяца террорист-самоубийца за рулем начиненного взрывчаткой цементовоза взорвал багдадский офис ООН. Погибли 40 человек, в том числе глава представительства, бразильский дипломат Сержи Виейра ди Меллу.

Эти два события побудили командование коалиции частично поручить обеспечение рутинных мер безопасности частным компаниям, специализирующимся на таких услугах. К этому времени у коалиции уже имелся опыт привлечения к выполнению этих задач частных подрядчиков в Афганистане – президента Афганистана Хамида Карзая, к примеру, охраняют именно сотрудники частного агентства. Американский посол в Ираке не покидает резиденции без сопровождения телохранителей из Blackwater.

С наемными телохранителями прибыл в Багдад в апреле 2003 года и первый гражданский администратор Ирака генерал Джей Гарнер. Это были двое бывших южноафриканских коммандос, предоставленные генералу компании Meteoric Tactical Solution. После замены Гарнера дипломатом Полом Бремером южноафриканцы перешли в свиту Бернарда Керика, бывшего начальника полиции Нью-Йорка, которому была поручена подготовка иракских полицейских. Этой подготовкой как раз и занималась фирма со звучным космическим названием.

В марте 2004 года оба коммандос были арестованы в международном аэропорту столицы Зимбабве Хараре

в составе группы из 67 мужчин, которые на частном самолете с грузом оружия на борту направлялись в Экваториальную Гвинею, – по версии зимбабвийских властей, с целью совершения государственного переворота в этой стране, которая на душу населения производит больше нефти, чем Саудовская Аравия. «Совершенно секретно» в свое время подробно рассказывала эту историю, в которой оказался замешан сын Маргарет Тэтчер Марк. В конце концов, обвинение было снято судом за недоказанностью. Этот сюжет заставил журналистов внимательнее присмотреться к частным охранникам в Ираке. Среди них оказалось много старых знакомых. В частности, в Ираке сейчас обретается наемное войско Тима Спайсера – одного из самых известных лидеров современного наемничества.

Маршал удачи

Англичанин Тим Спайсер родился в 1952 году в семье военного и пошел по родительским стопам – окончил престижную военную академию Сэндхарст и служил в Шотландской гвардии, исполняя чисто декоративные функции, с которыми знаком всякий турист – «охранял» Тауэр. Его боевым крещением стала в 1982 году война за Фолкленды, за которой последовала «Буря в пустыне» – первая война в Заливе – и операция ООН в Боснии. В 1992 году во время службы в Северной Ирландии двое солдат из подразделения Спайсера были приговорены к пожизненному заключению за убийство подростка и его отца; в 1998-м в рамках североирландского урегулирования, так называемого Соглашения Страстной пятницы, они вышли на свободу по амнистии.

В 1995 году Тим Спайсер вышел в отставку в звании подполковника и выбрал стезю, которой до него следовали поколения британских военных, уезжавших в колонии, где они прежде воевали, в поисках фортуны; по-английски

основное значение слово fortune – состояние, богатство, успех в предпринимательстве. Отсюда и «солдат удачи». Называют их также guns for hire – «наемные стволы». А с подачи друга Спайсера Фредерика Форсайта, написавшего классический роман «Псы войны», распространилось и это название, заимствованное в свою очередь из трагедии Шекспира «Юлий Цезарь». Спайсер не любит эти термины. Свою автобиографию он озаглавил An Unorthodox Soldier – «Нестандартный солдат».

Основные силы наемников в середине 1990-х годов концентрировались в Африке. После ликвидации режима апартеида в Южно-Африканской Республике были расформированы целые подразделения спецназа. Но спрос на услуги понюхавших пороха людей на беспокойном континенте был велик, оружия на черном рынке сколько угодно, и бывшие коммандос занялись бизнесом. Приятель Спайсера еще по Сэндхарсту Саймон Манн стал соучредителем самой известной компании такого сорта – Executive Outcomes со штаб-квартирой в Претории. Спайсер организовал свою фирму, Sandline International, и зарегистрировал ее на Багамах.

В 1997 году Sandline подписала контракт на 36 миллионов долларов с правительством Папуа-Новой Гвинеи. Официально речь шла об охране медного рудника Пангуна на острове Бугенвиле, самом крупном из Соломоновых островов, который стал территорией сепаратистского мятежа. Рудник, принадлежащий англо-австралийской корпорации RTZ-CRA, остановил производство, что привело к пертурбациям на мировом рынке меди и экономической депрессии на Папуа, для которой медь – основная статья экспорта. На самом деле отряд Спайсера должен был поддержать с воздуха сухопутную операцию правительственных войск на Бугенвиле. Однако операция под кодовым названием «Устрица» провалилась благодаря утечкам в австралийскую прессу, раскрывшую подробности контракта. Разразился острейший политический кризис, кабинет Юлиуса Чана ушел в отставку, а новое правительство Билла Скейта вступило в переговоры с повстанцами под эгидой Австралии и Новой Зеландии. В итоге стороны подписали соглашение о полном прекращении огня. Спайсер был арестован и судим, однако не только выкрутился (не без помощи британского правительства), но и впоследствии отсудил причитающуюся по контракту неустойку.

Следующим удачным предприятием Спайсера стала в 1998 году операция в Сьерра-Леоне. Эту страну терзал нескончаемый внутренний вооруженный конфликт. Законно избранный президент Ахмад Теджан Кабба был свергнут военной хунтой и вел борьбу за возвращение к власти при поддержке нигерийских войск. По контракту с Каббой Sandline взялся доставить его силам 30 тонн болгарского оружия. Спайсер делал это в нарушение эмбарго, введенного ООН для обеих сторон гражданского конфликта. Ущерб от этой операции понесло прежде всего правительство Тони Блэра: в ходе парламентского расследования Спайсер заявил, что о переброске оружия был осведомлен и одобрил ее британский МИД.

После африканского скандала Тим Спайсер залег на дно и легализовался в качестве пресс-секретаря командующего силами ООН в Боснии британского генерала Майкла Роуза. В этот период и вышла его книга, в которой он пишет, что в современном мире у его бизнеса есть вполне легитимное место. Своих оппонентов он презирает: «Мне жаль их, робких, скучных и бесполезных. Они никогда не бывали на линии огня и умеют только позерствовать». Он поддерживает образ плейбоя: живет на широкую ногу, ездит на Aston Martin, общается с красивыми женщинами.

В начале 2000 года казалось, что наемничеству как профессии приходит конец. В мире к тому времени не осталось крупных вооруженных конфликтов. «Солдаты удачи» заскучали. Тим Спайсер ушел из Sandline и организовал новую компанию, на сей раз по борьбе с морским пиратством. Он назвал ее Aegis Defense Services. Aegis – это «Эгида». Так назывался легендарный щит Зевса. В фирме трудились несколько бывалых отставных британских генералов. Роль же свадебного генерала исполнял Роберт Макфарлейн – советник Рональда Рейгана по национальной безопасности и участник скандальной операции «Иран-контрас». Один из инвесторов «Эгиды» – уже упоминавшийся Фредерик Форсайт. В 2002 году самым крупным был контракт «Эгиды» с компанией Disney по охране ее круизных судов. И тут в марте 2003-го грянула война в Ираке.

На программу реконструкции американский Конгресс ассигновал 18,4 миллиарда долларов. Такими деньгами не шутят. Распил этого бюджета – отдельная тема, многие подробности которой пока неизвестны. Во всяком случае, для некоторых американцев, замешанных в коррупционных схемах в Ираке, правовые последствия в виде уголовных дел уже наступили.

Ринулись в Ирак и охранные агентства. Тим Спайсер сумел получить самый выгодный в этом секторе подряд. Aegis выиграла у пяти конкурентов тендер на роль координатора работы всех частных фирм. Одна из проигравших компаний (DynCorp International, которой грех роптать на судьбу – она получила от Пентагона 293-миллионный контракт на подготовку афганских полицейских сил на сумму 1,1 миллиарда долларов) жаловалась, что предлагала лучшие условия, но этих жалоб никто не слышал. Тим Спайсер теперь руководит багдадским Центром операций по реконструкции – штабом, откуда ему видна, как на ладони, вся картина. Еще шесть региональных офисов расположены в разных частях страны. Персонал самого Спайсера состоит из 75 подвижных команд, в чью задачу входит главным образом информационное обеспечение. Спайсер оценивает риски и решает, куда и с каким вооружением можно соваться, а куда не стоит. В случае боестолкновения он может послать подкрепление или попросить о помощи командование коалиции.

Спайсер по-прежнему заботится о своем имидже. В октябре 2005 года он принимал в Ираке корреспондента лондонской Sunday Times Джона Свейна. «Мы не пытаемся воевать», – сказал он гостю во время поездки по стране. – Для этого есть другие, которых экипируют и которым платят именно за это. Мы способны ответить на огонь, но наше правило в таких случаях – дать сдачи и отступить. Если с нами охраняемое лицо, мы поворачиваем назад».

Добы разрушить впечатление о погоне за наживой, Спайсер учредил гуманитарный фонд «Эгида», который оказывает помощь жертвам гражданских конфликтов.

От Ермака до Литвиненко

Солдаты понаимену – в этом нет, конечно, ничего необычного. Наемничество было широко распространено еще в Древнем мире. Наиболее ранний случай упоминания наемных войск относится к XIII веку до н. э. – в армии фараона Рамзеса II служили 11 тысяч наемных солдат-нубийцев. Греческие воины охотно нанимались на службу к персидским царям и участвовали во вторжениях в греческие земли. Наиболее известный пример – спартанский царь Демарат (515 – 491 до н. э.). Проиграв борьбу за трон, он бежал к персам, стал сатрапом Ксеркса I и был участником персидского похода в Грецию. Карфаген в Пунических войнах с Римом (III–II вв. до н. э.) широко использовал наемников с Балеарских островов и Сардинии (события, связанные с мятежом наемников Карфагена, описаны в романе Гюстава Флобера «Саламбо»).

На Руси наемники-варяги служили в княжеских дружинах. Варяжская гвардия обороняла в 1204 году Константинополь от крестоносцев. Русские наемные витязи тоже служили в X–XI веках византийским им-

В 1997 году бывший подполковник Шотландской гвардии, а впоследствии наемник Тим Спайсер (в центре) предстал перед судом в связи с участием его компании Sandline в вооруженном конфликте в Папуа-Новой Гвинее. Однако Спайсер был оправдан

ператорам, шеститысячный русский корпус в составе византийских сил воевал с норманнами в Южной Италии. Датские и немецкие ландскнехты сыграли немаловажную роль в судьбе Московии в Смутное время. Важнейшей составной частью английских сил в Америке, против которых воевала Континентальная армия Вашингтона, были гессенцы – немецкие наемники (основная их масса была подданными ландграфа Фридриха II Гессен-Кассельского). Сегодня уже почти забылось, что грозный покоритель Сибири, победитель Кучума Ермак Тимофеевич – не кто иной, как руководитель частного охранного предприятия по защите от набегов владений братьев Строгановых. Как и полагалось, Ермак был ветераном Ливонской войны и на старинных портретах изображен в европейских латах.

Лишь в XIX веке, после Наполеона, в эпоху расцвета национальных государств, война перестала быть ремеслом и стала священным патриотическим долгом.

Проблема не в моральной оценке, а в юридической. Международная конвенция о борьбе с наемничеством от 4 декабря 1989 года определяет наемника как лицо, которое участвует в боевых действиях из соображений личной выгоды, не имеет гражданства или статуса постоянного резидента ни одной из сторон конфликта и не входит в состав вооруженных сил конфликтующих сторон. Человек, чья деятельность отвечает этим условиям, совершает преступление, а государство-участник конвенции обязано взять его под стражу и подвергнуть уголовному преследованию в соответствии с национальным законодательством. (Конвенция, впрочем, признает право государства отказать в выдаче наемника стране его гражданства.)

Именно по причине криминального оттенка в своей деятельности Тим Спайсер и его коллеги категорически отрицают свое участие в боевых действиях. Надо признать, что пока нет информации, которая противоречила бы этим утверждениям. Вместе с тем, как отмечалось на недавних слушаниях в Комитете палаты представителей по международным делам, сто процентов переводчиков и 50 процентов другого персонала в печально знаменитой тюрьме Абу-Грейб – сотрудники частных фирм. Частные охранные агентства поставляют персонал и для тюрьмы в заливе Гуантанамо, причем есть сведения (это выяснилось в ходе расследования ФБР), что в некоторых случаях сотрудники компаний-подрядчиков участвовали в допросах заключенных с применением недозволённых методов.

Основную массу персонала частных охранных компаний составляют граждане США и Великобритании (британцев в частных компаниях точно больше, чем в составе коалиции). Этих людей легко отличить среди пассажиров дубайского аэропорта, направляющихся в Кабул и Багдад. Им, как правило, за сорок, у них коротко стриженные могучие загривки и модные темные очки. В дьюти-фри они затариваются коробками виски и ящиками кубинских сигар. Они могут себе позволить дорогие сигары: их средняя зарплата составляет 180 тысяч в год при 100 днях отпуска плюс страховки,

в том числе от похищения. Значительно хуже оплачивается работа наемников из стран третьего мира – филиппинцев, чилийцев, боснийцев, непальцев (точнее – непальских гурков, славящихся своим бесстрашием). Что касается Тима Спайсера, его ежегодный доход оценивается в 20 миллионов.

Интригующий, почти никем не замеченный факт, о котором пресса сообщила мельком: покойный Александр Литвиненко в день посещения суши-бара и встречи с бывшими коллегами Луговым и Ковтуном побывал в лондонском офисе одного из частных охранных агентств, Erinys International Ltd., выигравшего 80-миллионный тендер на охрану предприятий нефтедобычи в Ираке. (Erinys – Эринии, они же Эвмениды, богини мести у древних греков). Среди сотрудников Erinys в Ираке есть и российские ветераны афганской и чеченской войн. Этот визит обнаружился по полониевому следу. Литвиненко будто бы собирался свести или уже свел Лугового и Ковтуна с представителями «Эриний». Луговой и Ковтун, по сведениям британской прессы, намеревались создать частное охрannое предприятие, а «Эринии» были заинтересованы в сотрудничестве с крупной российской нефтегазовой компанией, нуждающейся в защите своих производственных мощностей и трубопроводов.

Охранный бизнес на подъеме. Ежегодный объем мирового рынка охранных услуг оценивается в 30 миллиардов долларов. Так может, пора отменить устаревшую конвенцию?

Подопытная Африка

Пока американские законодатели хотят распространить на частных подрядчиков в Ираке военную юрисдикцию США: законопроект, внесенный в Конгресс, предусматривает, что они должны действовать в соответствии с воинскими уставами, а в случае их нарушения привлекаться к ответственности.

Свои проекты и у подрядчиков. Вице-президент Blackwater International Кофер Блэк (в недавнем прошлом – резидент ЦРУ в Судане, координатор ЦРУ, а затем Госдепартамента по борьбе с терроризмом), имеющий ранг посла и знающий не понаслышке, что такое исламский терроризм, выступил в марте прошлого года на конференции наемников в Иордании. Он заявил, что его компания готова создать бригаду быстрого реагирования, которая будет способна экстренно прибыть в любую точку планеты. «С практической точки зрения, – сказал Блэк, – это отличная идея, потому что мы работаем быстро и дешево». И то и другое бесспорно: у ООН нет готовых к применению войск, формирование международных сил, даже когда уже есть решение Совета Безопасности, затягивается на месяцы, и расходы по их содержанию неизмеримо выше. А в случае с частным войском и Совета Безопасности не требуется.

Есть уже и конкретное предложение, где можно было бы использовать бригаду – суданская провинция Дар-фур, где миллионы жертв межэтнического конфликта терпят гуманитарную катастрофу. С такой идеей выступил на страницах Wall Street Journal известный вашингтонский эксперт Макс Бут. «Семь тысяч легко вооруженных миротворцев под флагом Африканского Союза, – пишет он, – не в силах остановить геноцид в этой части Судана. Голубые каски ООН, если они когда-нибудь там появятся, эффективнее не будут. Так почему не обратиться к частному сектору?»

При всем негативном отношении к наемникам (перечисляются наиболее odioзные сюжеты с их участием) в их послужном списке, напоминает Бут, есть и положительные примеры успешного пресечения насилия, в том числе в той же Сьерра-Леоне, в Анголе и бывшей Югославии. Контракт с солдатами удачи могут заключить ООН или НАТО, группа заинтересованных стран или даже отдельные филантропы вроде Билла Гейтса или Джорджа Сороса. Что же касается морального облика наемных войск, отмечает Бут, то он явно выше, чем репутация солдат ООН, которые в последнее время уже не раз отличились сексуальным насилием и другими бесчинствами по отношению к местному населению. Проблема, считает Бут, решается просто: контракт с наемником должен предусматривать его подсудность Международному уголовному суду по делам о военных преступлениях (юрисдикция которого не распространяется на американских военнослужащих).

«Отправлять в Африку наемников политически некорректно, – заключает Бут. – Но это будет полезней, чем выделять деньги на гуманитарную помощь, которые все равно пропадут даром, или принимать резолюции, которые будут проигнорированы».

Неудачница Эшли

С БИБЛИЕЙ ПРОТИВ ПИСТОЛЕТА

■ Владимир АБАРИНОВ

Публикация 2005 года

Мы настолько привыкли к фразе «С террористами переговоров не ведут, террористов уничтожают», что почти поверили – иначе и быть не может. Но это неправда: с террористами ведут переговоры. Существуют методики и специально подготовленные люди, которые умеют это делать. Но случается, что, кроме самого заложника, позаботиться о нем некому. В таком отчаянном положении оказалась недавно молодая американка.

В два часа ночи у Эшли Смит кончились сигареты, и она решила съездить в ближайший ночной магазин. Она всего два дня назад сняла квартиру на третьем этаже многоквартирного дома в пригороде Атланты и еще не успела толком распаковаться. В 26 лет она начинала жить заново.

Ее родители разошлись, когда Эшли был год от роду. Самым значительным ее достижением в жизни было звание «атлет года», которое она заработала в составе школьной баскетбольной команды. А после школы судьбу перевернуло и заклонило. Колледж она бросила уже на первом курсе – влюбилась, видите ли. Дочь родилась на 11 недель раньше срока и еле выжила. Профессия у мужа была неплохая – столяр-отделочник. Но четыре года назад его зарезали приятели в драке. Он умер у Эшли на руках; она видела драку издали и не смогла определить, кто пырнул мужа ножом. Убийство осталось нераскрытым.

Овдовев, Эшли поселилась с матерью, дочку пристроила к тетке и стала пытаться заработать на жизнь. Служила на мелких конторских должностях, официанткой. На одном месте подолгу не задерживалась, особыми талантами, прилежанием и трудолюбием не отличалась. Из одного ресторана ее выгнали за прогул. Наконец, она решила взяться за ум. Подала, как мать-одиночка, заявление на стипендию для оплаты обучения в школе медсестер, прошла собеседование в клинике, подыскала симпатичную квартиру. Тут-то и стряслась с ней новая беда.

Отправляясь в магазин, Эшли заметила на стоянке перед домом «шевроле»-пикап с включенным мотором, а в нем водителя. Было похоже, что машина только что подъехала. Она еще плохо знала своих соседей и их машины. Она вернулась через пять минут. «Шевроле» с водителем внутри по-прежнему стоял у дома, но теперь вплотную к тому месту, где парковалась Эшли. Ей сразу сделалось не по себе. Не сидят люди в машинах по ночам просто так. Пожалуй, выходить не стоило – надо было разворачиваться и ехать куда подальше от подозрительного пикапа. Но она решила, что пронесет. Захлопнув дверцу, она услышала, как дверца «шевроле» тоже хлопнула. Она почти бегом, не оборачиваясь, устремилась к подъезду и, едва вставив ключ в замочную скважину, почувствовала, что незнакомец стоит у нее за спиной.

«Когда я стала открывать дверь, он оказался у меня за спиной, я начала кричать, он приставил мне к боку пистолет и сказал: «Не ори. Не будешь орать – ничего тебе не будет». Мы вошли в дом, он запер дверь и велел мне идти в ванную. Я пошла, он вошел туда за мной и говорит: «Знаешь, кто я?» Я сказала «нет», потому что он был в шляпе. Тогда он снял шляпу и спрашивает: «Ну как, теперь узнала?» И я сказала: «Да, я знаю, кто ты. Пожалуйста, не мучь меня. У меня дочка, ей пять лет. Пожалуйста, не мучь». Он говорит: «Не буду, если сделаешь все, как я скажу». Я сказала: «Ладно».

Убийца Брайан

Человек, во власти которого она оказалась, был опаснейшим преступником, за которым охотились в трех штатах. За помощь в его поимке была объявлена награда. Утром 11 марта 33-летний Брайан Николс бежал из здания суда в Атланте, куда его привезли из тюрьмы на судебное заседание по обвинению в изнасиловании.

Николс, как видно, хорошо продумал план побега. Теперь картина преступления восстановлена по секундным и в мельчайших деталях. По заведенному по-

рядку, обвиняемые, содержащиеся под стражей, в здании суда переодеваются из тюремной робы в гражданское платье. С этой целью их заводят в особую комнату и снимают наручники. Единственным конвоиром Николса была 51-летняя Синтия Холл. Оказавшись с ней вдвоем в помещении, Николс напал на Холл, уложив ее одним ударом пудового кулака. Удар оказался настолько мощным, что Холл теперь с трудом управляет своим телом, ей полностью отшибло память о случившемся. Врачи говорят, что на поправку потребуется несколько месяцев. Завладев пистолетом, наручниками и связкой ключей своего конвоира, Николс сменил одежду и запер поверженную в боксе для переодевания.

Здание, в которое привезли Николса, называется Башня Правосудия. На уровне восьмого этажа башня соединяется стеклянным мостом-галереей со старым зданием суда, где Николса, в зале на восьмом же этаже, ждал судья Роуланд Барнс. Начало судебного слушания было назначено на 9:30. Николс не заставил себя ждать. По дороге он встретил еще одного полицейского, на сей раз мужчину, отобрал у него оружие, зашелкнул у него на запястьях наручники и запер его в туалете. Теперь он был вооружен двумя пистолетами.

Николс вошел в зал через дверь, которой пользуется судья, – она расположена за его рабочим местом. Без всяких предисловий он выстрелил судьбе Барнсу в спину и голову и сразил его наповал. Третья пуля досталась секретарю суда Джули-

Энн Брандо. Оба скончались от полученных ранений. Засим убийца устремился по главной лестнице вниз. Миновав семь пролетов, он свернул к аварийному выходу и через эту дверь покинул здание суда, предварительно отключив сигнал тревоги.

На улице он столкнулся нос к носу с третьим полицейским, Хойтом Тизли, и выстрелил ему в живот. Осмотревшись, Николс увидел стоящий на светофоре тягач-эвакуатор, мигом очутился в кабине и под угрозой оружия заставил водителя покинуть машину. На тягаче Николс въехал в подземный гараж, расположенный в полутора кварталах от здания суда, и там пересел в легковую машину, Mercury Sable, за рулем которой сидела сотрудница главной местной газеты Atlanta Journal-Constitution Алмета Килго. Угрожая пистолетом, Николс приказал ей остаться в салоне, потом велел лезть в багажник, но она, сама себя не помня, с криком выскочила и спаслась.

Через два квартала Николс достиг здания штаб-квартиры телекомпании CNN и заехал в подземный гараж напротив. Здесь он увидел, как паркуется репортер все той же Atlanta Journal-Constitution Дон О'Брайант. Журналист говорит, что он несколько удивился, увидев перед собой обнаженного по пояс мужчину, спрашивающего дорогу, но не успел раскрыть рот, как вопрошающий наставил на него ствол пистолета. О'Брайант покинул салон своей Honda Accord, но на требование угонщика залезть в багажник ответил отказом и получил сильнейший

удар рукояткой пистолета по голове. Он понятия не имел о том, что перед ним тройной убийца, – думал, простой угон, а потому и не особенно испугался.

Эту зеленую «хонду» полиция потом объявила в розыск, не подозревая, что преступник ею не воспользовался. Николс оказался хитрее: он запарковал автомобиль на другом уровне того же гаража, пешком вышел на улицу и на близлежащей железнодорожной платформе сел на электричку, затем пересел в другую и вышел у стадиона, где смешался с толпой баскетбольных болельщиков.

В 11-м часу вечера, несмотря на все усилия властей, преступник оставался на свободе. 27-летний Шелтон Уоррен как раз смотрел по телевизору репортаж об охоте на Николса, когда в дверь его квартиры постучали. Вслед за стуком раздался голос его подруги Иман Ада: «Это я!» В этом стуке была некоторая странность: у Иман был ключ от входной двери, и она не имела привычки стучать. Возможно, Шелтона насторожила интонация Иман. А скорее, все вместе, включая телерепортаж. Прежде чем открыть, Уоррен заглянул в глазок. Он увидел, что за спиной подруги стоит кто-то еще. Еще не понимая, что происходит, он отворил дверь. «Ты кто такой?» – строго спросил он незнакомца с нотками ревности в голосе. Тот вынул одну из своих пушек, наставил на Иман и сказал: «Не рыпайся».

Уоррен оказался не робкого десятка. Он втащил Иман в квартиру и что было сил ударил Николса. Тот отлетел к противоположной стене. Но инерция удара

Брайан Николс (на снимке второй справа) сдался сам благодаря Эшли Смит

вытолкнула из квартиры и Уоррена. «Запри дверь!» – успел крикнуть он подруге, перед тем как на его голову обрушился сокрушительный удар, нанесенный рукояткой пистолета.

Драка на тесной лестничной клетке продолжалась всего несколько секунд. Поняв, что Уоррен не уступит, Николс обратился в бегство. «Никому не отпирай!» – прокричал подруге Уоррен и с залитым кровью лицом бросился в погоню. Но Николс провалился сквозь землю. Тогда Уоррен вернулся в дом, попросил у соседа сотовый телефон и набрал 911. «Здесь только что был парень, которого вы ищете», – сказал он в трубку.

На часах было 10:18. Полиция приехала через четыре минуты после звонка. Спустя еще столько же дом со всех сторон обложило несметное полчище вооруженных до зубов спецназовцев. Дальнейшие версии расходятся. В рапорте полицейского патруля сказано, что Шелтон Уоррен, когда ему показали фотографию Николса, не смог уверенно опознать его. Сам Уоррен категорически утверждает, что был абсолютно уверен в личности своего соперника. Мало того. В полицию позвонила также соседка Уоррена. Она видела в глазок сцену на лестнице. Она не смотрела телевизор и ничего не знала об облаве на Николса, но когда ей показали фотографию, сразу узнала его.

Всего вероятнее, составленным задним числом рапортом полиция Атланты прикрывает свой зад. Преступник находился в двух шагах от них, однако ускользнул. Они провозились больше трех часов, облазили всю округу в поисках улики и задержали двоих подозрительных, в том числе одного на зеленой «хонде». Все усилия оказались тщетными. В конце концов полицейские стали сомневаться в том, что непрошеным гостем Уоррена был Николс. В 1:42 старший команды протрубил отбой, и войско отбыло восвояси.

И лишь наутро они обнаружили свежий труп буквально в одном квартале от дома Уоррена.

Ретировавшись после битвы, Николс вскоре высмотрел новую жертву. 40-летний сотрудник Службы иммиграции США Дэвид Вильгельм был убит на участке, где стоял его собственный недостроенный дом. Кроме табельного оружия, добычей Николса стало служебное удостоверение и «шевроле»-пикап.

Двое и Библия

Около двух часов ночи Николс остановился возле дома Эшли Смит. Когда она вернулась из лавки с сигаретами, он повторил прием с замком и пистолетом. На сей раз все сошло удачно – в квартире, кроме самой хозяйки, никого не было.

Она тоже смотрела телевизор и сразу узнала беглеца. Но что делать теперь, по-

видимому, он представлял себе смутно. Должно быть, ему представлялось самым разумным залечь на дно, пока преследователи не выдохнутся и не сделают паузу. В этих условиях заложница ему только мешала.

О том, что происходило дальше, известно со слов самой Эшли Смит.

«Он велел мне идти в ванную, и я пошла в ванную. Он говорит: «Я себя тут не слишком уютно чувствую. Надо пройтись вокруг, осмотреться». Я говорю: «О'кей». «Я не хочу, – говорит, – причинять вред ни тебе, ни кому-то другому. Но ты орала, кто-нибудь мог твой крик услышать. Нервовен час, сюда заявится полиция. Если что, я возьму тебя в заложницы. И убью тебя, себя и еще кучу народа. Я этого не хочу». Я сказала: «Хорошо, я сделаю все так, как ты скажешь».

Он запер Эшли в ванной, обошел вокруг дома, вернулся и сказал, что ее придется связать. Они отправились в спальню. Он связал ее по рукам и ногам клейкой лентой и электроудлинителем (увидев провод, она решила, что он ее сейчас удавит). Потом отнес ее обратно в ванную, посадил на стул и сказал, что хочет принять душ. «Давай принимай», – сказала она. Но он сказал, что стесняется, и, прежде чем залезть в ванну, замотал ей голову полотенцем.

Помывшись, он спросил, где у нее чистая футболка. Одевшись, он спросил: «Ходить можешь?» «Нет, – сказала она. – Могу прыгать». «Ну, прыгай в спальню». В спальне Николс ее развязал. Они стали разговаривать. Она сказала ему, что утром собиралась поехать к дочери – можно? Он ответил «нет». Она рассказала ему о смерти мужа и о том, что если она погибнет, девочка останется круглой сиротой. И что она очень расстроится, если мама не приедет. Тогда он сказал: «Ну, может быть. Там видно будет».

Началась бессонная ночь. Эшли попросила разрешения почитать. Он позволил. Она взяла Библию и книгу известного протестантского проповедника Рика Уоррена «Жизнь во имя цели». Это очень популярная в Америке книга. Она учит, что самопознанием нельзя постигнуть свое предназначение, потому что каждый человек создан Промыслом Божиим; приблизиться к пониманию смысла своей жизни возможно только постигая Бога – любой иной путь ведет в тупик. Такой подход в корне противоречит бесчисленным модным пособиям жанра «как помочь самому себе».

Николс велел читать вслух. У нее было заложено начало 33-й главы: «Мы служим Господу, служа другим. Понятие величия включает обычно власть, богатство, престиж, положение. Ты достиг успеха, если можешь потребовать, чтобы другие служили тебе. В нашем обществе с его культом эгоизма служение другим –

непопулярная идея». Он перебил ее, попросив прочесть это место еще раз.

«Он показал мне фотографию агента, которого он убил. И я стала объяснять: смотри, ты убил человека, которому было 40 лет, он был кому-то отцом, мужем, другом. И он начал верить мне, начал чувствовать то же, что и я. Он попросил разрешения посмотреть фотографии моей семьи. Я не знаю, сколько времени прошло, для меня было главное – остаться в живых. Я не хотела умирать. И я не хотела, чтобы он причинил вред кому-нибудь еще или убил себя самого. Он натворил уже достаточно, хватит. Да он и сам, мне казалось, не хочет больше никому причинять зла. Он спросил меня, что ему делать. И я сказала: «Я думаю, ты должен сдаться. Если ты этого не сделаешь, пострадает еще больше людей, а ты, наверно, погибнешь». Он говорит: «Я этого не хочу. Можно я поживу здесь несколько дней? Хочу просто есть нормальную еду, смотреть телевизор, спать – делать все то, что делают нормальные люди». И я сказала: «Конечно. Можешь пожить здесь». Я хотела заслужить его доверие».

Эшли испекла ему блины на завтрак. Он был приятно удивлен. В тот момент она не знала, что за три дня до кровавого побоища в здании суда у Николса родился сын, которого он страстно хотел увидеть.

Он уже не был тем, кого ловили

Когда власти публично назвали имя человека, учинившего тройное убийство, и показали фотографию, никто из знавших его не мог понять, какая муха укусила Брайана. В свои 33 года он не был отрешенным от общества ломтем, не отличался буйным нравом, не имел серьезных столкновений с законом. Он закончил мужскую католическую школу. Играл в университетской футбольной команде, увлекался карате. Знакомые говорят о его уравновешенности, умении идеально выражать свои мысли.

Под суд он попал по заявлению своей подруги (не той, которая родила ему сына, другой). Линия защиты состояла в отрицании факта изнасилования: по версии обвиняемого, он приехал домой к потерпевшей по ее приглашению, они провели вместе несколько часов и занимались сексом по взаимному согласию; оклеветала же его подруга из ревности.

В итоге жюри присяжных не смогло вынести вердикт – голоса распределились в соотношении 8 к 4 в пользу Николса, и на второй день совещания старшина присяжных был вынужден сообщить судье, что надежд на единогласное решение нет. В таких случаях судебный процесс объявляется несостоявшимся и назначается новый. С этого второго процесса Николс и бежал, хотя, по словам

адвоката, имел все основания рассчитывать на оправдательный вердикт.

Вернемся, однако, в квартиру Эшли Смит.

«В какой-то момент он мне сказал: «Знаешь, лучше ты меня убей». Я говорю: «Я не хочу, чтобы кто-нибудь еще умер». В конце концов он разрешил мне поехать к дочери. С того момента, как он вошел в мой дом, он стал совершенно другим человеком. А теперь я чувствовала, что он готов сдаться. Я спросила: «Ну что, ты готов?» И он попросил: «Дай мне еще несколько дней, пожалуйста». Я говорю: «Перестань, ты должен сделать это сейчас». Я чувствовала, что его настроение может измениться».

Трудно удержаться от аналогии с Соней Мармеладовой, читающей Раскольникову о воскресении Лазаря и уговаривающей его пойти с повинной. Во время этого ночного бдения Николс испытал поистине достоевские надрывы. Он говорил, что Эшли – ангел, посланный ему Господом (она говорила об этом с грустной усмешкой – мол, какой из меня ангел), был на грани истерики. «Посмотри на меня, – говорил он, – посмотри мне в глаза. Ведь я уже мертвец». И она отвечала с неизвестно откуда взявшейся непреклонностью: «Нет, ты не мертвец. Ты стоишь передо мной, разговариваешь. Если хочешь умереть – твое дело. Это будет твой выбор». Но она и сама уже уверовала, что их встреча не случайна и совершилась по воле высших сил. Охота на него шла полным ходом. Он смотрел репортаж о полицейской операции и не мог поверить, что это его ловят. Он уже не был тем, кого ловили.

На часах было около девяти – Эшли пора было ехать к дочери. Брайан спросил, придет ли она к нему в тюрьму на свидание. Она обещала. «Пойдем со мной, ну же!» – убеждала она его. «Еще несколько дней», – отвечал он. Он спросил, не сделать ли что-нибудь по дому – повесить шторы, например? «Повесь, если хочешь», – сказала она.

Когда Эшли уже стояла в дверях, он вынул из кармана деньги и протянул ей – 40 долларов: «Возьми, пригодятся». «Оставь себе», – сказала она.

Она вышла из дома, села в машину и набрала на сотовом 911. Она наблюдала издали, как дом окружили минивэны, из которых как горох посыпались вооруженные спецназовцы. Никаких переговоров не было. Брайан Николс увидел осаду в окно и спокойно вышел, размахивая белым полотенцем.

После своего поистине чудесного спасения Эшли Смит дала несколько интервью, а потом вдруг замолчала. У нее появился пресс-секретарь. В понедельник 14 марта вечером она предстала перед репортерами почему-то вся в слезах и прочла по бумаге заявление для прессы:

«Как вы, конечно, можете себе представить, случившееся стало очень трудным и изматывающим событием для меня и моей семьи. Я пережила едва ли не все возможные чувства за последние несколько дней. В течение моего общения с г-ном Николсом я постоянно полагалась на свою веру в Бога. Господь помогал мне в трудные минуты в прошлом и поможет теперь. Надеюсь, что вы проявите понимание того, что мне сейчас нужен покой, чтобы сконцентрироваться на помощи правоохранительным органам и содействовать расследованию. Было бы естественно сделать выводы из случившегося, но моя роль была на самом деле очень незначительной. Настоящие герои – это сотрудники правоохранительной и судебной системы, которые рисковали жизнью ради благополучного завершения инцидента. Еще раз спасибо за ваши молитвы. Да благословит вас Господь».

На вопросы журналистов она отвечать не стала. А 26 марта состоялась церемония вручения обещанной награды. Эшли Смит получила в общей сложности 70 тысяч долларов. Полицейские начальники хвалили ее за проявленное хладнокровие, говорили, что она вела себя с террористом именно так, как вели бы они, профессионалы, если бы им представилась такая возможность. Они сделали все, чтобы им такая возможность не представилась.

Человек без лица

О МАРКУСЕ ВОЛЬФЕ, ШЕФЕ ВНЕШНЕЙ РАЗВЕДКИ ГДР

■ Вячеслав КЕВОРКОВ

Публикация 2012 года

Книга Маркуса начинается с рассказа о том, как в конце мая 1990 года у ворот его загородного дома в Прендене под Берлином нещадно жали на кнопку звонка два господина. Без обиняков визитеры сообщили хозяйину, что являются представителями ЦРУ. Протянув через изгородь букет цветов и коробку шоколада – «для жены», они попросили разрешения войти.

Старший из двоих, безупречно одетый и хорошо говоривший по-немецки, представился «мистером Хэтвэем», личным посланником Вильяма Вебстера, тогдашнего главы ЦРУ. Как выяснилось позже, мистер Хэтвэй на деле руководил всей службой контрразведки ЦРУ. Джентльмены пришли к Вольфу с предложением раскрыть агента КГБ в высших эшелонах ЦРУ: «Вам – дача в Калифорнии, вы там никогда не были, а там просто замечательно! А вы поможете нам найти того, на чьей совести жизни как минимум тридцати пяти наших людей. Вы-то понимаете, что это значит!»

Нисколько не смущаясь, американский гость прямо дал понять, что, учитывая развитие событий в Германии, знает, какое печальное будущее ждет генерала – «распятие на кресте» и многолетнее заключение. В ответ на довод Вольфа, что он может эмигрировать в Советский Союз, посланец ЦРУ ухмыльнулся: «Только не говорите мне, что вы верите в Горбачёва!»

Тем не менее эмигрировать в США такой ценой Вольф отказался, хоть прежде и подумывал об этом. Святой закон каждой разведки – ни при каких обстоятельствах не выдавать агентов – был для него действительно свят. (Олдрич Эймс – а именно ради его выдачи американские партнеры по НАТО гарантировали Вольфу освобождение от западногерманского «правосудия» – в итоге был предан советскими, если хотите, российскими сотрудниками внешней разведки. В обмен за вознаграждение куда меньшее, чем то, что предлагали Вольфу).

Запоздалая месть американцев и бесилие германских властей дважды (в 1993-м и в начале июня 1997 года) сотряпать сколько-нибудь впечатляющий приговор бывшему главе внешней разведки ГДР сделали вышедшей книге невиданную рекламу. Действительно, итогом первого процесса, длившегося более семи месяцев с привлечением более тридцати свидетелей, стало вызвавшее массу догадок решение судей определить меру наказания обвиняемому в государственной измене лишь в шесть с половиной лет условно.

Детали процесса

На процессе по делу Вольфа в качестве свидетелей выступали не только видные политики, поддерживавшие контакты с ГДР, но и его прямые агенты, такие высокопоставленные дипломаты, как, например, д-р Хаген Блау, Клаус фон Рауссендорф, печально знаменитый бывший личный референт канцлера Брандта Понтер Гийом и доставленная из заключения (как и все вышеперечисленные) звезда шпионской сети Вольфа Габи Гаст. Эта женщина сделала столь успешную карьеру в Пуллахе (штаб-квартира за-

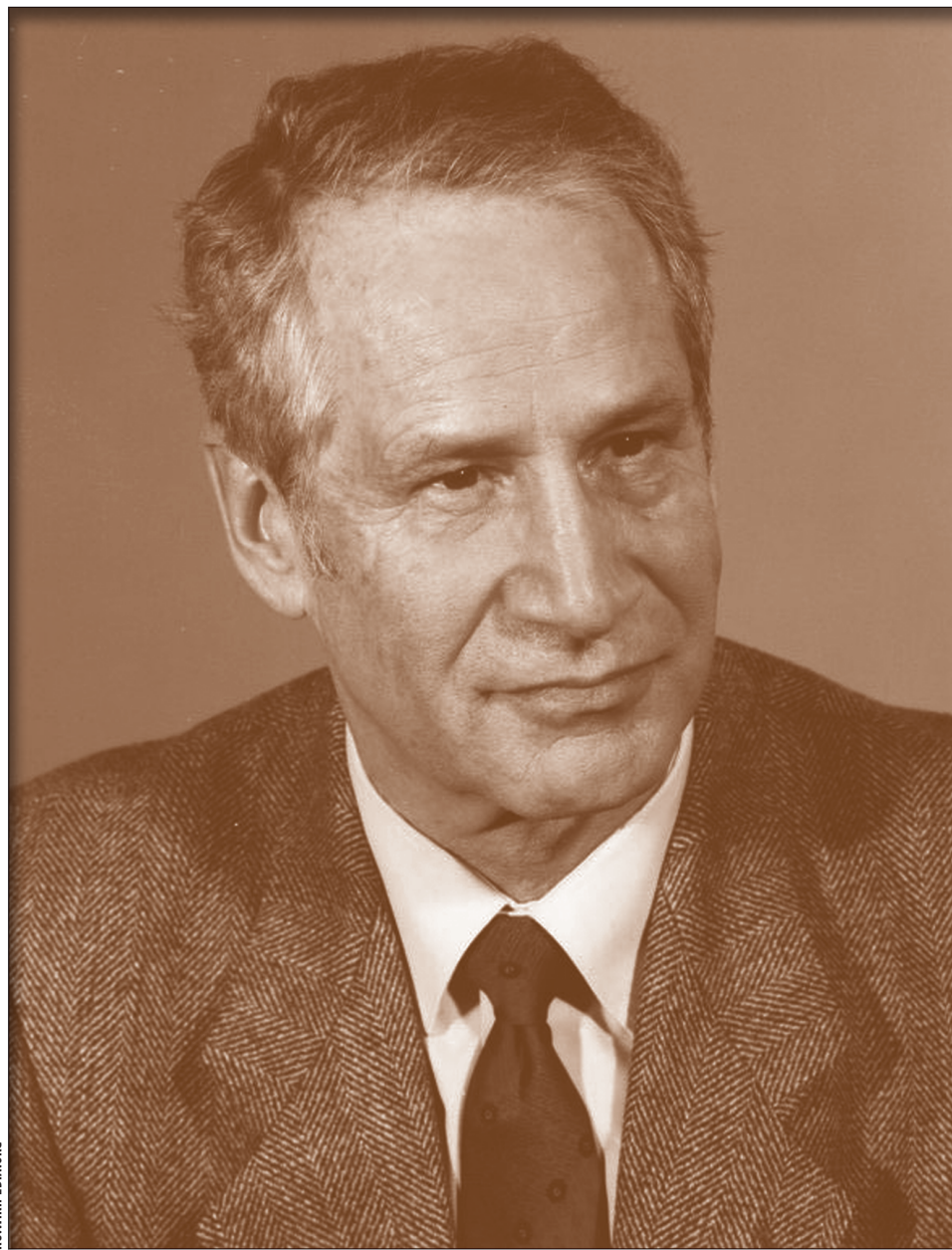
падногерманской разведки, которую во время описываемых событий возглавлял министр иностранных дел Германии К. Кинкель), что в 1986 году ей было поручено составить конфиденциальный доклад разведведомства для федерального канцлера. До 1990 года она продолжала активно работать на ГДР, пока ее не предал в обмен на свободу от судебного преследования один из подчиненных генерала Вольфа.

Давала показания и Йоханна Ольбрих, секретарша бывшего председателя Совета старейшин верхней палаты парламента ФРГ Вильяма Борма, который тоже, кстати, с начала шестидесятых годов тесно сотрудничал лично с Вольфом. Любопытно, что до процесса ни секретарша, ни ее шеф не знали, что работают на одно и то же лицо... Менее чем за месяц до выхода «Воспоминаний» суд высшей инстанции в Дюссельдорфе вынес решение и по второму процессу над генералом Вольфом. На этот раз его обвиняли в гибели граждан ГДР и попытке перехода границы. Приговор был вновь символическим – два года условно. Правовая причина та же: демократическая судебная система Германии не в силах решить проблему осуждения своих нынешних сограждан, живших по законам другой правовой системы и бывших вполне законопослушными.

Но семь лет почти непрерывных судебных процессов по обвинению в «предательстве своего народа» стали настолько серьезным психологическим и моральным испытанием, что сделали мемуары Вольфа одновременно попыткой самооправдания, самоанализа и философского осмысления своего почти пятидесятилетнего активного участия в строительстве, развитии и распаде соцсистемы. Не случайно так подчеркнуто цитирует Вольф оценку его деятельности высокопоставленным американским коллегой: «Ваша разведка была лучше нашей, но «эндшпиль» вы проиграли!»

Возвращаясь к тем дням, когда он отказался ценой сотрудничества с ЦРУ спастись от судебных преследований в Германии, Маркус Вольф объясняет, почему не стал искать убежища и на своей второй родине – в СССР. Будущее развитие событий он без труда просчитал в конце августа 1991 года после разговора с Леонидом Шебаршиным (после путча на короткое время возглавившим КГБ). «Миша, сам видишь, что у нас тут творится. Я ничего не могу теперь для тебя сделать. Кто мог подумать, что до этого дойдет! Да поможет тебе Господь!» – пожелал атеист Шебаршин и повесил трубку. «Миша», впрочем, это русское «вот тебе Бог, а вот – порог!» предвидел (не зря прожил одиннадцать лет в СССР в самые тяжелые годы – тридцатые и сороковые) и сразу после путча решил прибегнуть к третьему варианту, о котором не догадывались ни американцы, ни русские, ни соотечественники, ибо они не знали об эмиссарах из Израиля, настойчиво посещавших Вольфа. Отец Маркуса-«Миши», Фридрих Вольф, видный антифашист, член Союза писателей СССР в тридцатые годы, был евреем.

Летом 1990 года, безошибочно предчувствуя, что приближаются тяжелые времена, Маркус с готовностью откликнулся на переданное через израильскую журналистку предложение «познакомиться» с рабби Цви Вайнманом, весьма влиятельной фигурой среди

RU.WIKIPEDIA.ORG

«Человек без лица» – так лестно для шефа любой разведки называли Вольфа на Западе в течение почти тридцати лет

израильских ортодоксов. Рабби, «чьи глаза светились доброжелательностью и заботой», как пишет автор, так же как и американские эмиссары, начал разговор с беспокойства о предстоящих преследованиях со стороны германских властей и очень вероятно тюремном заключении. С пониманием воспринял Вайнман желание генерала посетить Израиль и вскоре прислал приглашение от солидной иерусалимской газеты «Едиот Ахронот».

Однако за две недели до воссоединения обеих Германий рабби позвонил Вольфу и грустным голосом сообщил: «...в данный момент вы в Израиле нежелательны – Пуллах и «Моссад» состоялись». Как тут возразишь! У Стены плача генерал оказался лишь в 1996-м в сопровождении рабби Цви Вайнмана и с «кипой» на голове.

Анализ действительности

В воспоминаниях шефа восточногерманской разведки – драма его двойственного отношения и к Советскому Союзу, и к советскому руководству, и к политике СССР. Оказавшись в Москве одиннадцатилетним мальчиком, Маркус Вольф, сын немецких коммунистов-коминтерновцев, вырос в атмосфере готовности к самопожертвованию и героизму, отличавшей тридцатые годы. Ученики школы имени Карла Либкнехта, расположенной в самом центре Москвы, искренне верили в торжество социализма. Началась Отечественная война, последовал приказ эвакуироваться сначала в Алма-Ату, а потом в Уфу, где готовились молодые кадры Коминтерна.

В Германию он вернулся только после победы, но, выросший на идеях интернационализма и грядущего торжества коммунистических идей, да и говоривший уже почти только по-русски, долго не мог найти себе места в скучном мещанском болоте тогдашнего Берлина. Постоянно вспоминались юность, бесконечные дебаты в «суперконспиративной» школе Коминтерна в башкирской Уфе, где Вольф с красавицей Амайей, доче-

рью Долорес Ибаррури, сыновьями Тито и Тольятти ночами напролет спорил о будущем обществе равенства, которое непременно удастся построить, стоит только разгромить фашизм. Там же Вольф познакомился и со своей первой женой, Эмми Штенцер, дочерью депутата рейхстага Франца Штенцера, погибшего в одном из первых гитлеровских концлагерей, Дахау, в 1933-м...

С другой стороны, как глава внешней разведки ГДР, Вольф все годы ощущал двойственность отношения СССР к своей стране. Позиция «старшего брата», основанная на своеобразно понимаемой концепции интернационализма, неизменно сочеталась с определенным недоверием к ГДР. Это касалось и кубинского кризиса – Вольф с гордостью рассказывает, как «ставил на ноги» разведорганы острова Свободы, – и чехословацких событий 1968 года. В обоих случаях советская сторона замалчивала свои планы до последней минуты. К той же категории относит Вольф и факт установления в 1969 году «тайного канала» связи между советским руководством и только что пришедшим к власти в ФРГ правительством социал-демократов во главе с Вилли Брандтом.

О конкретных шагах по осуществлению новой «восточной политики» канцлера ведомство Вольфа узнавало не от советского резидента в Восточном Берлине, как следовало бы ожидать, а от своих агентов в Бонне. Это стало возможным лишь благодаря тому, что все западногерманские политические партии были плотно инфильтрированы людьми Вольфа. Но изменить ситуацию тогда не мог никто. Леониду Брежневу достаточно было «погрози́ть пальцем» Хонеккеру, пробасив в телефонную трубку: «Наши войска стоят у вас. Помни, Эрик, без нас не будет тебе никакой ГДР!» – и любой вопрос утряслся.

Вольф прямо обвиняет Генерального секретаря Брежнева в лукавстве и лицемерии, поскольку, удерживая восточногерманское руководство от сближения с западногерманскими социал-демократами, он и Андропов при помощи своих

людей организовали «тайный канал» прямой связи между Кремлем и Бонном.

Не упоминаю имен организаторов «канала», которые теперь хорошо известны в Германии, Вольф тем не менее отдаст должное его роли в осуществлении «разрядки», многократно цитируя ближайшего соратника Брандта Эгона Бара, непосредственно поддерживавшего доверительный диалог с российскими коллегами более десяти лет.

Новая «восточная политика» Брандта, на которую, как считает Вольф, с готовностью «клюнул» Советский Союз, вызвала в 1970 году негативную реакцию гэдэровских высших партийных функционеров. Свидетелем тому стал сам Вольф, когда, лежа под жарким солнцем на пляже одного из санаториев для соцэлиты в болгарской Варне, без конца выслушивал рассуждения своих соотечественников о роковой опасности, которую несет «восточная политика» Брандта. А также о негативных последствиях для их страны предстоящего визита Брандта в Москву.

13 августа 1970 года самолет, ежедневно поставлявший из Москвы в Болгарию свежие газеты, привез тираж «Правды» с улыбающимся Вилли Брандтом на первой полосе. «Восточные договоры подписаны!»

жием, но и автоматами. По прибытии Хонеккер представился коменданту дачи секретарем ЦК по безопасности, а потом на время предстоящей беседы приказал перекрыть все въезды и выезды, а также отключить все виды связи.

Опасения Хонеккера были напрасны: в итоге полуторачасовой беседы, утверждает Ульбрихт, преданный всеми, был вынужден сдаться. «С невыразимой горечью он рассказывал мне потом, – пишет автор, – о подробностях этого путча против того, кто был частью немецкой истории».

За политической смертью Ульбрихта вскоре последовала и физическая...

Помимо интриг политических, немало места в воспоминаниях Маркуса Вольфа занимает и тема интриг любовных, волею судьбы вплетающихся в контекст политики и шпионажа. Им посвящена отдельная глава, которая читается, как «Песнь песней» ветхозаветного Канона. Недаром автор и начинает ее пространной цитатой из Четвертой Книги «Пятикнижия» Моисея, где описано, возможно, первое слияние двух древнейших профессий – проституции и шпионажа.

Любовь, а вернее, «непреодолимое сексуальное влечение мужчины и женщины друг к другу», утверждает генерал,

дарных Ромео, подосланных другими разведками. Но наш Кай Петерсен не знал слова «ретирироваться».

Он увез Маргариту в бесшабашную Вену, где сумел быть одинаково галантным и нескучным при посещении Художественного музея, Венской оперы и во время прогулок по знаменитому венскому парку – Пратеру. Ну а уж вечером, когда в ресторане на берегу Дуная тихо начинал играть оркестр...

Роланд добился своего и даже успел признаться Маргарите, что шпионит в пользу датской военной разведки.

Довольно долго все шло хорошо. Ведущий «пару» офицер регулярно доставлял Вольфу секретнейшие документы из штаб-квартиры НАТО. Но... Католическое воспитание Маргариты одержало верх, она призналась любимому, что не может больше жить «в грехе». Тогда Роланд-Кай, проконсультировавшись с руководством, вновь отправился на встречу с любимой – в Ютландию. Там их уже ждал в сутане капеллана сотрудник Вольфа. Новобрачных повенчали.

Годы спустя восточногерманская разведка была вынуждена отозвать Роланда, ибо он не по своей вине оказался на грани провала. Маргарита осталась на Западе. Несмотря на обещание продол-

От сотрудничества с ЦРУ, что обеспечивало «дачу в Калифорнии», Вольф отказался. Израиль принять его испугался. Оставался самый нежелательный вариант – эмиграция в СССР. Одиозность самой фигуры Горбачева и провал его так называемой «перестройки» Вольф давно уже «вычислил». Но другого выхода не было.

Осенью 1990 года в разговоре с резидентом КГБ в Восточном Берлине Анатолием Новиковым Вольф признался, что на время хотел бы покинуть родину. Собеседник, усмехнувшись, ответил: «КГБ очень ценит, что генерал отказался ценной выдачи бесценной информации купить свободу».

«Новиков, прощаясь, вручил бумажку с секретным шифрованным номером и паролем, которым я могу воспользоваться в случае, если...» – завершает Маркус Вольф свой рассказ о той встрече.

За шесть дней до воссоединения обеих Германий, 3 октября 1990 года, чета Вольфов, наспех упаковав чемоданы, подъехала на разных машинах – «на случай, если задержат, чтобы не унижали жену», – к немецко-австрийской границе.

Из Вены Вольф написал письмо Горбачеву, которое осталось без ответа. В конце ноября он понял: пора набрать номер КГБ. Два дня спустя «русский курьер» ждал Вольфов на венгерской границе. Оттуда – через Западную Украину и юго-западную Россию – в Москву.

Единственное, что могло вызвать улыбку в рассказе об этом путешествии, так это схожесть судьбы Вольфа с судьбой Штирлица, которого восточногерманские зрители обожали не меньше, чем советские. Тот точно также в измощении съезжал с дороги «прикорнуть» в кусты в Швейцарии, как Вольф в 1998-м под Брянском...

Усталые, но счастливые, что наконец добрались, оказались Вольфы в Москве, в квартире его сестры Лены, в знаменитом Доме на набережной.

Потом была встреча с Шебаршиным. Подняв бокал «за спасение», тот заметил смущенно, что президент Горбачев принять гостя не может. С одной стороны, нельзя не признать заслуг перед... С другой – не придет же в голову портить отношения из-за отставного восточногерманского шефа Шпионажа с воссоединенной Германией, во имя чего уже предано и продано столько!

А дальше был путч 1991 года, который Вольфа удивил лишь тем, что его возглавил Крючков. Маркус, на протяжении многих лет знавший Крючкова как секретаря в приемной Андропова, который «на самый верх» вознесся не в последней степени благодаря Горбачеву, искренне изумился, узнав, что «на подобное дело» отважился человек «не того калибра».

Выводы относительно своей судьбы Вольфом были сделаны незамедлительно. После встречи с Шебаршиным оставалось лишь вернуться в Вену.

24 сентября 1991 года Вольфы пересекли баварскую границу в Гмайне, где в ожидании Маркуса уже потирал руки местный прокурор, откровенно говоря, не заслуживший чести отвезти «в каталожку» в Карлсруэ столь крупную птицу, как Вольф, с эскортом из двух бронированных лимузинов.

Однако через 11 дней Вольф вышел на свободу. «Под залог столь непомерно высокий, – признается он, – что его удалось заплатить лишь благодаря помощи друзей».

В своем последнем слове на процессе в Дюссельдорфе в 1993 году генерал Маркус Вольф сказал: «Мы проиграли как система – но не потому, что реализовали на практике «слишком много социализма», как нас упрекают, а потому, что слишком мало. Это мое твердое убеждение, как и то, что преступления Иосифа Сталина были не преступлениями коммунизма, а преступлениями против коммунизма. Власть денег означает ничуть не меньшее насилие, чем власть государства».

Иллюстрацией к этому может быть тот факт, что запланированная на первое июля встреча Маркуса Вольфа с читателями в Маннгейме была отменена по просьбе «возмущенных горожан». В Советском Союзе это называлось «по просьбе трудящихся».

Слева: Вальтер Ульбрихт. По центру: Брежнев и Хонеккер. Справа: Вилли Брандт

Генерал Вольф не поленился лично каждому из товарищей положить на стол к завтраку по экземпляру газеты.

А тем временем и политические интриги лета 1970 года в ГДР становились все увлекательнее. Хонеккер дистанцировался от стареющего Ульбрихта, позволив себе даже проигнорировать официальные традиционные торжества по поводу юбилея патриарха. «Хонеккер, который без протекции и постоянной поддержки Ульбрихта и мечтать не мог о таком положении в партии, демонстративно отвернулся от него. Причина могла быть одна – поддержка Москвы», – пишет Маркус.

К моменту, когда советский посол Абрахимов передал Хонеккеру страничку секретного текста о достигнутых договоренностях с правительством Брандта, служба Вольфа, по его утверждению, через разветвленную сеть агентов в руководстве Свободно-демократической партии ФРГ уже располагала куда более полной информацией, о чем и уведомила Вальтера Ульбрихта. Тот, если верить автору, лишь в последние недели своего правления «обрел тонкое политическое чутье и истинное доверие к информации моего ведомства». Но было поздно. Попытка перехватить инициативу СССР в развитии новой «восточной политики» силами «партайгеноссен» в ГДР была провалена.

Для начала «твердокаменные» марксисты – министр госбезопасности Мильке и тот же Хонеккер – срочно просили главу резидентуры КГБ в ГДР Ивана Фадейкина доложить Андропову и Брежневу о недопустимом волюнтаризме Ульбрихта. «Брежнев поддержал Хонеккера в его стремлении стать во главе партии и государства. Совместно с Хонеккером он (Брежнев) искусно вел игру, направленную на свержение Ульбрихта», – утверждает автор.

Для решающего разговора Хонеккер приехал на дачу Ульбрихта, своего старого коминтерновского друга, в сопровождении всего личного состава Главного управления охраны госбезопасности ГДР. Начальник охраны был немало изумлен тем, что ему велели вооружить подчиненных не только табельным ору-

сыграло в успехе восточногерманской разведки не менее важную роль, чем искренние убеждения, определенный идеализм или желание разбогатеть, неудовлетворенное честолюбие и тщеславие.

Упреки, что внешняя разведка Вольфа создала целую «школу» агентов, нацеленных на то, чтобы соблазнять и тем ставить себе на службу легкодоступных дам из числа одиноких секретарш ответственных боннских политиков, Вольф с решительностью отменяет.

Проблема состояла в том, что одиноких мужчин, которые забрасывались в ФРГ с документами лиц, в свое время погибших в концлагерях, было предостаточно, но обрекать их на жизнь без женщин никто был не вправе. «Да и КГБ, – подчеркивает Вольф, – это никогда не удавалось». А идеальный вариант – заброска шпионской пары с надежной «легендой» – был сопряжен с большими трудностями. В тех случаях, когда это удавалось, пишет Вольф, почти всякий раз судьбы людей оборачивались драмой.

В конце шестидесятых кто-то из сотрудников подсказал шефу разведки кандидатуру Роланда Г., директора одного из известных в Саксонии театров, личности незаурядной, любимца женщин. Добавьте к импозантной внешности неплохое образование и поистине удивительный дар перевоплощения.

После соответствующей подготовки Роланд в 1961 году отправился в Бонн с заданием близко познакомиться с дамой, готовившейся приступить к работе ведущего переводчика в штаб-квартире НАТО в Фонтенбло.

Тщательно разработанная режиссура требовала от героя-любовника вживания в образ датского журналиста по имени Кай Петерсен, а потому он в короткое время научился говорить с датским акцентом и даже в бытовых мелочах вести себя, как принято на родине Гамлета. Сложность его задачи состояла в том, что Маргарита, как окрестили в Восточном Берлине его «объект», была дамой молодой, очень привлекательной и воспитанной в самых строгих католических традициях. Более того, ей уже были известны многочисленные скандалы вокруг без-

жать сотрудничество и передавать информацию, от встреч с преемником Кая она начала уклоняться, а вскоре вовсе их прекратила.

Анализируя психологию агентов-женщин – а подобных историй на страницах воспоминаний генерала рассыпано множество, – автор делает вывод, что «что шпионаж во имя любви» ее рамки, как правило, не ограничивается. Женщины почти всегда идут на это ради любимых...

Уровень профессионализма генерала не позволяет нам ставить его слова под сомнение.

Заканчивая рассказ о своей «жизни и судьбе», Маркус Вольф возвращается к событиям 1990 года, с которых и начал свое повествование.

С поста главы Управления внешней разведки ГДР он ушел еще в 1986 году, а отшел от дел, по его утверждению, за два года до официальной отставки – «по идейным соображениям». Курс руководства ГДР, который для него воплощали собой Хонеккер и министр госбезопасности Мильке, Вольф не без оснований расценил как безнадежный. «Информированные крысы раньше бегут с тонущего корабля», – прокомментировали его шаг недоброжелатели.

Когда в 1990 году стало совершенно очевидно, что пусть не гильотины, но уж тюрьмы ему не избежать, Вольф написал личные письма президенту и министру иностранных дел ФРГ, а также Вилли Брандту, главе Социал-демократической партии Западной Германии. Он заявил, что не помышляет об эмиграции и готов ответить на обвинения в предательстве, которого он не совершал, служа своей стране, а не ФРГ. В письме к Брандту Вольф просил извинения, ибо только перед ним чувствовал себя виноватым. Ведь именно он внедрил своего агента, Гийома, в качестве личного референта канцлера Брандта, что в конечном итоге и привело к отставке инициатора новой «восточной политики». Из всех адресатов только Брандт, которому отставка, конечно, стоила жизни, публично высказался против судебного преследования генерала...

И тем не менее тучи над Вольфом продолжали густеть.

БНД против

ВETERАН СЛУЖБЫ ВНЕШНЕЙ РАЗВЕДКИ РОССИИ ВСПОМИНАЕТ, КАК СОВЕТСКИЙ ПРЕЗИДЕНТ «СЛИВАЛ» ВОСТОЧНОГЕРМАНСКИХ СОЮЗНИКОВ СССР

■ Игорь ЛАТУНСКИЙ

Публикация 2016 года

В сентябре 1989-го, началось разрушение Берлинской стены, за которым последовал распад Германской Демократической Республики и последующее объединение двух Германий в одно государство. О том, кто же виновен в изначальном расколе Германии на ФРГ и ГДР, как проходила тайная война между спецслужбами двух стран и почему СССР не вступился за своих союзников в высшем руководстве ГДР после разрушения страны, рассказывает бывший сотрудник Первого главного управления (ПГУ) КГБ СССР, ветеран Службы внешней разведки (СВР), полковник Виталий Коротков.

– Виталий Викторович, есть версия, что ГДР как страна появилась только из-за жёсткой воли Сталина, который стремился создать в центре Европы бастион против капиталистических стран. Но некоторые из ваших коллег уверяли меня, что высшее руководство СССР было готово пойти на создание на территории фашистской Германии социал-демократического государства, по примеру Швейцарии...

– Решение Тегеранской, как и решения Ялтинской и Потсдамской конференций, предусматривали создание на территории бывшей фашистской Германии демократического государства. По судьбе Германии у руководства СССР, Великобритании и США были разные предложения. Англичане предлагали расчленить Германию на разные земли и сектора, руководство же нашей страны придерживалось мнения, что Германия должна быть единой страной.

Нацистский резерв Запада

– То есть ответственность за дробление Германии на сектора и зоны своего влияния, лежит на руководстве США и Великобритании?

– Именно на них. Когда войска нашей страны развернули наступления в Восточной Европе, а армии США и Великобритании высадились во Франции, произошло очень интересное событие, о котором редко вспоминают. А именно: в немецком Шлезвиг-Гольштейне, в Голландии и Бельгии сохранились крупные силы немецко-фашистской армии, и они почему-то после высадки войск союзников в Нормандии, не выступили против армии США и Великобритании. Эти части фашистских войск были интернированы в разных регионах Западной Европы, и их присутствие в ряде стран Европы, даже после окончания войны в мае 1945 года длилось больше месяца. У разведки СССР была чёткая информация, что руководство Великобритании сознательно их бережёт для возможного изменения политической ситуации в Европе, а также рассматривает эти силы как один

из возможных резервов для войны с Советским Союзом.

– А как получилось, что во главе разведслужбы ФРГ оказался нацистский генерал, начальник отдела в Иностранной армии Востока Рейнхард Гелен?

– Под конец войны Гелену, который занимался разведкой против Красной Армии, удалось сохранить всю свою базу данных, вывезти её в Альпы и спрятать в подземной крепости «Альпийский редут», оборудованной на случай эвакуации ставки Гитлера. Затем Гелен сдался американцам. И когда они поняли, с кем имеют дело, то вывезли его в США, где на протяжении долгого времени допрашивали его и решали вопрос о дальнейшем его использовании. Гелен понял, что сотрудничество с американскими спецслужбами поможет ему продолжить борьбу с Советским Союзом. Американцы помогли ему создать новую спецслужбу ФРГ, куда он набрал сотрудников нацистской разведки и контрразведки. Этой службой Рейнхард Гелен руководил до 1968 года, она в дальнейшем стала носить название БНД. Заметим, что сотрудники БНД не стремились разжигать противоречия между ФРГ и СССР. Они решали только те задачи, которые им ставили американские и английские кураторы в рамках развязанной против СССР холодной войны. БНД собирала информацию о происходивших процессах, как на территории СССР, так и в ГДР. В послевоенной экономической ситуации, в которой оказалась Германия, жизнь её граждан была очень сложна. Бывшие сотрудники СД и абвера искали в послевоенной Германии работу, какая была у них до 1945 года. А когда они увидели, что в их стране создаются обновлённые, пусть и американцами, новые германские спецслужбы, естественно, что бывшие сотрудники фашистских спецслужб пошли работать к Гелену. Впрочем, другие стали работать на английские и французские спецслужбы – это ведь были очень опытные работники, хорошо знающие своё дело, умевшие прекрасно работать с людьми разного политического калибра.

– Насколько удачно спецслужба Гелена смогла проникнуть в государственные секреты ГДР?

– В тот период, границы Советского и Американского, Английского секторов были практически открыты, и передвижение по разным зонам, находящимся под контролем стран антигитлеровской коалиции, было практически свободным. На западе Германии под воздействием плана Маршалла начался экономический рост, а в ГДР экономическое положение оставалось намного сложнее. Это естественно было связано с тем, что ГДР выплачивала репарации и многие предприятия, на которых могли работать её граждане, ликвидировались. И в связи с этим, найти работу в Восточной Германии было очень непросто – большинство её жителей стремилось найти себе работу в западной части Германии. Это облегчало геленовской спецслуж-

ФОТО АВТОРА

Ветеран разведки Виталий Коротков

бе работу по вербовке тех восточных немцев, кто обладал какими-то секретами. В 1990 годы организация Гелена по заданию ЦРУ насаждала в ГДР массовую агентуру, которая работала в районе расположения частей Советской армии, на железнодорожном транспорте, отслеживала прохождения воинских эшелонов, и переброску войск СССР.

И органы безопасности контрразведки ГДР, и естественно представители наших спецслужб, вели очень активную работу против шпионов западных разведок, поскольку на территории ГДР работала не только геленовская служба, но также разведки США и Великобритании. В этот период, благодаря активным действиям работников контрразведки СССР и ГДР удалось провести две крупнейшие операции по выявлению агентуры западных спецслужб. Нами была проведена операция под названием «Весна», в ходе которой было арестовано более

шестисот агентов различных западных спецслужб, но, в основном, спецслужбы Гелена.

Спустя небольшой период, то ли полгода, то ли год, была проведена вторая операция, и снова было выявлено и арестовано около пятисот агентов западных спецслужб. И естественно, что эти операции МГБ СССР и ГДР нанесли очень большой ущерб, в первую очередь геленовской разведке, а так же американской и британской разведкам. Но вместе с тем эти же совместные операции ударили по нашим агентурным возможностям.

– Почему?

– Ну, представьте себе, если, какая-то из резидентур геленовской разведки полностью разгромлена, агентура арестована, а её шеф при этом остаётся в стороне, у руководства БНД или ЦРУ возникает подозрение, а откуда же была утечка информации о деятельности данной резидентуры на территории

Штази

ГДР? И не является ли этот провал причиной того, что где-то в этой же резидентуре работал и даже руководил ею советский агент? И я знаю, что несколько наших весьма продуктивных агентов в геленовской разведке были отстранены от работы в ней и потеряли свои возможности снабжать нашу разведку очень ценной информацией, но при этом остались на свободе. Поскольку у контрразведки Гелена не было прямых улик или доказательств о сотрудничестве этих работников с советской разведкой, они оказывались под подозрением.

– Вы имеете в виду историю с агентом Штази Гюнтером Гийомом, секретарём канцлера ФРГ Вилли Брандта, которому пришлось уйти в отставку после «засветки» Гийома. Что же сгубило Гийома, личное поведение или было предательство со стороны кого-то из спецслужб ГДР?

– Здесь надо чётко разделять одно от другого – с одной стороны, упущения в поведении самого Гийома, а с другой – какие-то упущения со стороны тех, кто руководил его деятельностью из ГДР. А в сочетании эти два факта привели к его провалу как агента Штази. Как правило, о нелегалах или агентах такого уровня знают единицы. И, насколько я помню, Шпильман, работник научно-технической разведки ГДР, ушёл на Запад позже, чем контрразведка ФРГ смогла арестовать Гийома, и в связи с этим к провалу Гюнтера Гийома он не имел отношения. Скорее всего, в провале Гийома свою роль сыграли мелкие детали, которые затем и переросли в причины его раскрытия.

– Американцы вообще не брезговали кадрами из нацистских спецслужб, говорят, даже работники гестапо – консультировали сотрудников ЦРУ США?

– Было и такое. До момента создания в США такой разведывательной структуры, как ЦРУ, её сотрудники только учились мастерству разведки. И конечно консультации специалистов, какими были сотрудники спецслужб фашистской Германии, были очень полезными. Методика подхода к предполагаемому объекту вербовки, разработка, привлечение его к сотрудничеству, знание психологии – всем этим бывшие сотрудники фашистской политической разведки хорошо владели. Они знали и психологию советских людей, их слабые места, знали, на что можно при их вербовке надавить, и весь этот опыт был, конечно, полезен разведывательной службе США. Я не думаю, что они здесь открыли для себя что-то уж очень новое, но методика работы немцев наверняка пригодилась.

– Как признавал в своих интервью шеф МГБ ГДР Маркус Вольф, даже бывшие высокопоставленные сотрудники СД и СС винили США и Англию в расколе единой Германии, что, в свою очередь, облегчило задачи спецслужбе ГДР Штази по их вербовке. А были ли у ПГУ КГБ СССР подобные вербовки среди тех нацистов, которые могли помнить «ураганные» бомбардировки ВВС США и Британии городов Дрездена, Кёльна и Мюнхена, а значит – не пылали любовью к англосаксам?

– Во всей Западной Европе к США всегда было разное отношение. Кто-то считал план Маршалла спасением для голодавшей Европы. А были люди, кстати, политики, которые видели, что способы борьбы США в ходе войны даже с нацизмом, были иногда преступны, как те же массовые «ковровые» бомбёжки, в ходе которых уничтожалось мирное население немецких городов и были стёрты с лица земли города, которые были исторической памятью Германии – Дрезден, Мюнхен, Гамбург...

И очень многие жители Западной Германии понимали, что план Маршалла ведёт не просто к возрождению эко-

В 1990-м году на живописной даче в Архызе Михаил Горбачёв и Гельмут Коль решили судьбу ГДР

► номики Германии, а к завоеванию американскими концернами экономики их страны. И тот же Хайнц Фельфе, один из руководящих сотрудников бывший геленовской службы ФРГ, который до этого был работником СД, служил в VI управлении СД РСХА у Вальтера Шелленбера, а затем пошёл на сотрудничество с ПГУ КГБ СССР именно потому, что американские ВВС во время войны стёрли с лица земли его родной город Дрезден. Затем он мучился пару лет в плену у англичан и получил в течение этих двух лет не самые лучшие воспоминания об отношении союзников к его народу.

Я, кстати, работал с ним, он передал ПГУ КГБ более 15 тысяч секретных документов и назвал более чем 100 американских агентов. И могу вам сказать, что благодаря его деятельности как советского агента разведка СССР не имела ни единого провала в ФРГ. Неприязнь к американцам и англичанам была не только у него, но и у многих других немцев, живущих в ФРГ. СССР не раз выступал с инициативой объединения Германии, в то время, как Запад во главе с США не давал провести этого объединения.

Центр шпионажа и диверсионной работы

– Как вы считаете, была ли необходимость в строительстве Берлинской стены?

– Я знал столицу ГДР и Западный Берлин разных времён. И когда никакой стены и никакого контроля между Западным и Восточным сектором Берлина не было, на метро или пешком, кому, как было удобно, можно было пересечь границу и оказаться в Советской, Американской или Английской зоне. И никого пересечение границ этих зон не волновало. Потом постепенно стал появляться между секторами контроль. Мой очень близкий друг, работавший в таможенном управлении ГДР, рассказывал мне об одном эпизоде на его работе. Когда со стороны его коллег стал осуществляться контроль за передвижением по территории ГДР людей из Западной Германии, границу очень часто стал пересекать немец с велосипедом из Западного Берлина. И что-то в этом немце с Запада привлекало их внимание. Оказалось, что он каждый день перевозил из Восточного Берлина в его Западный сектор велосипед для продажи, на чём зарабатывал деньги.

Проще говоря, спекуляция продовольствием, табачными изделиями, и всем, чем только возможно, поскольку в Восточном Берлине цены на все эти товары были ниже. И западники, пользуясь этим обстоятельством, как и открытостью границ между секторами, по дешёвке закупали товары, чтобы у себя их продать, но в три или в четыре раза дороже. И эта тенденция обирания ГДР приобрела массовый характер, который наносил ущерб её экономике. Шпионаж и вербовка граждан ГДР тоже не могли не сыграть свою роль в появлении стены. И всё же экономическая причина стала определяющей для её появления.

– В некоторых документальных фильмах о сносе Берлинской стены были показаны кадры, как во время массового бегства из ГДР пограничники ГДР нещадно расстреливают тех, кто даже с детьми хочет перелезть через стену, чтобы оказаться на Западе.

– Массового характера такие акции властей ГДР не носили, хотя подобные инциденты были. Не помню точно цифр, но за весь период существования стены – с 1961 по 1989 год – было около 120 случаев расстрела при попытках бегства или незаконного перехода границы. Если разделить эти цифры на двадцать восемь лет, получается не так уж много, чтобы говорить о массовом характере таких расстрелов.

– Говорят, что перед падением Берлинской стены радиостанция «Свобода» в Мюнхене, а также дру-

ТАСС

Маркус Вольф не верил в Горбачёва, но верил в идеалы страны, которая спасла его семью

гие подрывные центры в ФРГ, внесли особый вклад в разжигание анти-советской истерии, они призывали беснующиеся толпы, которые пошли сначала крушить Берлинскую стену, а затем и громить здание ЦК СЕПГ и МГБ ГДР?

– Да, в Западном Берлине в 1950–1960 годы, где находились как спецслужбы, так и армии США, Великобритании и Франции, существовали десятки антисоветских организаций, созданных и финансируемых Западом. Достаточно вспомнить такие организации, как Комитет свободных юристов, Общество борьбы с бесчеловечностью, Организация жертв сталинизма, Народно-трудовой союз (НТС) и многие другие. Все они вели непрерывную пропаганду против СССР и ГДР, работники этих центров занимались вербовкой сторонников советского строя из граждан нашей страны, а также ГДР. Органам советской госбезопасности и нашим коллегам из МГБ ГДР приходилось нелегко в противостоянии всем этим организациям. Так что Берлин, действительно, был центром шпионажа и диверсионной работы.

– Считаете правомерным приказ об устранении в 1954 году Евгения Околовича, руководителя НТС, который не смог, по его словам, привести в исполнение капитан МГБ СССР Хохлов, ставший перебежчиком?

– В те годы наша разведка использовала такой метод борьбы со своими врагами. НТС был врагом нашей страны, услугами этой организации пользовались разведки крупнейших западных стран – Западной Германии, США, Великобритании и Франции. Кстати, Хохлов не просто остался на Западе, не желая убивать Околовича, но и сдал всю группу сотрудников МГБ СССР, а также пытался заманить в ловушку ЦРУ США нашего резидента нелегальной разведки в Австрии Окуня, вызвав его экстренно шифровкой на встречу, и очень хорошо, что Окунь, благодаря своему профессионализму, не попался в этот капкан. (Подробнее о Хохлове в статье «Цирк» Маклярского», № 8/385, август 2016 г. – Ред.)

А что касается методов, то против наших разведчиков тогда велась не менее беспощадная война. Я знаю два слу-

чая, когда сотрудники ЦРУ в Западном Берлине захватывали и избивали разведчиков нашей страны. Одного из них я хорошо знал – он пошёл на связную встречу со своим агентом, который был, очевидно, подставой. При выходе из телефонной будки его схватили сотрудники спецслужб США и стали зверски избивать. К счастью для моего знакомого, коллегам по работе в разведке его удалось спасти!

– А ПГУ КГБ СССР или спецслужбы МГБ ГДР допускали применение подобных методов в своей работе?

– Я о таких случаях не знаю. В 1970–1980-е годы таких операций ни наша, ни спецслужба ГДР не проводили, особенно на территории стран-противников.

«Это ваше внутреннее дело»

– Мог ли Михаил Горбачёв во время переговоров о судьбе Германии сделать что-то для своих верных союзников – договориться, чтобы представители аппарата ЦК СЕПГ и МГБ ГДР не попали под суд?

– Во время встречи президента Горбачёва с канцлером ФРГ Гельмутом Колем в Архизе, Коля задал вопрос: что же нам делать с гражданами ГДР? Горбачёв ответил, что это ваше внутреннее дело. Напоминаю, что ГДР была независимым государством, членом ООН и могла использовать весь арсенал средств, которыми пользуются суверенные государства. К ним относятся вопросы её безопасности, разведывательных операций и так далее, и эта была естественная деятельность её госструктур. Как можно было при объединении ГДР и ФРГ в единую Германию рассматривать этих граждан Германской Демократической Республики как преступников, работавших против своего соседнего государства – ФРГ? Это же абсурд! Работники аппарата СЕПГ, и политические деятели ГДР, не должны были подвергнуться никакому преследованию и иметь, после объединения, те же права, что и граждане ФРГ. Ведь, это же были нормальные люди, которые осуществляли политику своего независимого государства и решали свои задачи.

Слова Горбачёва о том, что это «ваше внутреннее дело» – это был не про-

счёт. Президент СССР был не настолько глуп, чтобы не понимать, к каким событиям приведёт его решение. Оно граничило с каким-то моральным предательством или даже преступлением.

И кстати, когда на бывших граждан ГДР из перечисленных нами государственных служб, особенно МГБ, начались гонения, которые длились очень долго – по моему мнению, больше десяти лет – бывшими сотрудниками МГБ, МВД и Пограничных войск ГДР, была создана организация под названием «Изор». Организация боролась за то, чтобы прекратилась дискриминация всех сотрудников правоохранительных органов ГДР.

Дискриминация выражалась в том, что им были определены по закону уже объединённой Германии нищенские пенсии, в несколько раз меньше, чем обычным гражданам ГДР. Бывшие служащие правоохранительных и органов госбезопасности ГДР были ограничены в поиске работы, и эта общественная организация «Изор» боролась с унижениями, которым были подвергнуты со стороны новых властей Германии её члены. Кроме этого, многие сотрудники спецслужб МГБ ГДР привлекались к уголовной ответственности и годами находились под следствием. Один из моих друзей, начальник Герского Управления МГБ ГДР, генерал Леман, два года находился под следствием, во время которого его постоянно допрашивали, грозили ему серьёзным тюремным сроком, но, слава Богу, что потом, в силу каких-то обстоятельств или политических событий, следствие по его делу было прекращено.

– СССР хотя бы как-то поддерживал этих людей?

– Нет, от нашей страны организация «Изор» ничего не получала, она существовала на небольшие взносы её членов и за счёт волонтерской работы. «Демократическое» руководство объединённой Германии фактически развернуло репрессии против бывших сотрудников спецслужб ГДР. Тут было и стремление прижать к ногтю тех, кто активно и успешно боролся за социалистическую ГДР, а во-вторых, желание показать, что Советский Союз и затем

Хайнц Фельфе – бывший сотрудник VI управления СД РСХА – пошёл на сотрудничество с ПГУ потому, что американские ВВС во время войны стёрли с лица земли его родной Дрезден.

Россия ничем не может помочь своим бывшим союзникам.

– Неужели даже никаких протестов не было с нашей стороны?

– Я не уверен, что протест нашей страны того времени, мог бы что-то изменить или сыграть какую-то роль. Вспомните продвижение НАТО на Восток. Договорились с немцами, что СССР выводит войска из Восточной Европы, а ФРГ и США не расширяют своего присутствия в ней. И что из этого получилось? Документов с подписью руководства СССР и стран – членов НАТО не было. Впрочем, если бы даже такой договор был, то все знают, как США попирает мировое право, вспомним Югославию, Ирак, Сирию, Ливию.

«Миша, я ничего не могу для тебя сделать...»

– Я слышал такую версию, что когда руководству КГБ СССР стало ясно, что крах ГДР неминуем, сотрудники ПГУ КГБ СССР, на свой страх и риск, снабдив деньгами и документами ряд работников МГБ ГДР, вывезли их в нейтральные страны...

– Красивая легенда. Об этом я ничего не знаю и ничего не слышал. И могу только сожалеть, что такой операции по спасению моих коллег из МГБ ГДР не было.

– Во время суда над Маркусом Вольфом, экс генерал КГБ Олег Калугин заявил, что международный террорист Ильич Рамирес Санчес – Шакал – долгое время был личным

агентом Вольфа по решению таких щекотливых поручений, как, например, взрыв на радиостанции «Свобода» в Мюнхене в 1981 году. Это, по словам Калугина, был личный приказ Андропова...

– Предатель Калугин во время суда над Маркусом Вольфом и его коллегами, делал подобные заявления, отработывая свою зарплату, вид на жительство и свой дом под Вашингтоном в США. И я думаю, что и сотрудники ЦРУ и ФБР США, которые вынуждены были с ним работать, никогда и ничего не испытывали по отношению к нему, кроме как презрения. Такова участь всех предателей. А, поскольку сотрудники спецслужб США неглупые люди, они понимают, что если Олегу Калугину будет выгодно, он когда-то сможет предать и их. Лично я просто не верю, что разведка ГДР под руководством Маркуса Вольфа поддерживала террористов, снабжая их взрывчатыми материалами, и использовала их для решения своих задач.

– Рассказывают, что незадолго до падения Берлинской стены в 1989 году в загородный дом четы Вольфов явились два сотрудника ЦРУ и предложили Маркусу Вольфу написать книгу о работе разведки ГДР на территории США с раскрытием всех тайных операций. За эту ему якобы обещали хороший гонорар, вид на жительство в США, который бы избавил его от судебных преследований на его родине, виллу в Калифорнии, а также работу в качестве консультанта при ру-

ководителе Госдепартамента США по вопросам безопасности. Один из цэррушников при этом заявил: «Только не говорите, что вы, Маркус, с вашим аналитическим умом ещё верите в Горбачёва». На это генерал-полковник Маркус Вольф ответил: «В Горбачёва я не верю, но верю в идеалы страны, которая спасла мою семью от физического уничтожения в 1933 году!» И указал непрошеным гостям на дверь. Руководитель МГБ ГДР действительно был настолько предан идеалам социализма?

– Я глубоко верю в порядочность и честь генерала Маркуса Вольфа, который предпочёл разделить в 1991 году судьбу своих коллег по работе в МГБ ГДР, вместо того чтобы купить себе красивую жизнь столь страшной ценой, как предательство. Как и мои товарищи, я думаю, что во времена Сталина, Хрущёва и Брежнева были сложные, иногда трагичные периоды, но мы верили в то, что строим справедливое общество. И я глубоко убеждён, что на этих же позициях стоял Маркус Вольф. Он вырос в семье коммунистов, рос в СССР, он, бесспорно, видел все недостатки в нашей стране, о чём написал в своей книге «Игра на чужом поле». Но, он видел и все преимущества социалистического строя над капиталистическим. Он вместе с нами создавал разведку ГДР. У меня была с ним первая встреча в 1954 году, когда он через год после своего назначения на должность руководителя МГБ ГДР, приехал в Вену, чтобы там познакомиться с residen-

турой нашей разведки, и я два часа беседовал с ним, рассказывая, как мы работаем. И в дальнейшем, во время своей работы в Первом главном управлении КГБ СССР, я неоднократно встречался с ним, когда выезжал в Берлин на переговоры с нашими коллегами из МГБ ГДР. Я очень хорошо знал его. Этот человек очень много сделал и для ГДР, и для нашей страны. И надо честно признать, в нашей стране его сильно обидели. Помните, как, проживая в СССР, после событий августа 1991 года он вынужден был уехать? Последний и. о. председателя КГБ СССР Леонид Шебаршин с болью сказал тогда Вольфу: «Миша, я ничего не могу для тебя сделать, сам видишь, что у нас творится». Но тем не менее, заметьте, он остался и после этого нашим другом, потому что понимал: позиция каких-то деятелей или представителей руководства страны может и не совпадать с той идеей, за которую он борется.

– Я слышал, что несколько высокопоставленных сотрудников КГБ СССР направили на имя Горбачёва предложение предоставить Вольфу гражданство СССР, чтобы спасти его от судебного преследования на Западе. Председатель КГБ СССР Владимир Крючков, как член Политбюро, передал письмо Горбачёву, но дело о мёртвой точки так и не сдвинулось...

– Я вполне допускаю эту версию. Если бы ему за его заслуги в сотрудничестве немецкой и советской разведок дали бы гражданство СССР, это на тот момент его жизни было бы гарантией его неприкосновенности. У нас ведь были прецеденты, когда сотруднику ЦРУ Эдварду Ли Говарду, сдавшему нашей разведке американских шпионов в Вене, дали гражданство СССР, хорошую квартиру в районе Патриарших прудов, дачу в посёлке Жуковка и пенсию полковника ПГУ КГБ СССР. Я более чем уверен, что генерал-полковник Вольф заслуживал такого же отношения со стороны советского руководства. Но, увы...

С нами тайное становится явным

Главный редактор:
Олег Анатольевич СОЛОВЬЁВ

НАД ПРИЛОЖЕНИЕМ РАБОТАЛИ:
Александр КЛИЩЕНКО, Ирина ШМЕЛЁВА

Учредитель:
ООО «СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО-НЬЮПРЕСС»

Адрес учредителя:
121099, г. Москва,
ул. Композиторская, д.17

Генеральный директор:
Павел ЗВЕРЕВ

Адрес редакции:
127247, Москва,
Дмитровское шоссе, д. 100, стр. 2
e-mail: sovsek@sovsek.com
Телефон: +7 499 288 00 72

ПО ВОПРОСАМ РЕКЛАМЫ:
Операционный директор:
Андрей КОРАБЛИН
+7 499 288 00 72;
e-mail: reklama@sovsek.com

ОТДЕЛ РАСПРОСТРАНЕНИЯ:
+7 499 288 00 89

ПРОИЗВОДСТВЕННЫЙ ОТДЕЛ:
+7 499 288 00 89

Издание зарегистрировано
Федеральной службой
по надзору в сфере связи,
информационных технологий
и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
ПИ № ФС77-58624 от 11.08.2014г.

Интернет-версия газеты:
www.sovsekretno.ru

Подписано в печать 04.08.2020 г.
Выход в свет 04.08.2020 г.
Общий тираж: 100 000 экз.

Свободная цена.
Распространяется только в розницу.

Приложение печатается в городах:
Москва, Хабаровск

Редакция не имеет возможности
рецензировать и возвращать
не заказанные ею рукописи и иллюстрации.
Перепечатка материалов, их использование
в любой форме, в т.ч. в электронных СМИ,
возможна только с разрешения редакции.

Точки зрения редакции и авторов
не всегда совпадают.

© «СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО-НЬЮПРЕСС», 2020

Импортер в Беларусь:
ООО «Росчерк»
г. Минск, ул. Сурганова, 57 Б, офис 123;
тел: +375 17 331 94 27 (41)

Дистрибьюторы
Приложения:
ООО «Издательский дом
«Гранд Экспресс»
Директор: Станислав ГЛУХОВ
680000, г. Хабаровск, Уссурийский б-р, 9а;
тел: +7 421 230 99 80

Отпечатано
в АО «Прайм Принт Москва»
Адрес: 141707, Московская область,
город Долгопрудный, проезд Лихачевский,
дом №5В

Тираж: 10700 экз.
Заказ № 2017